

Алферьевъ *)).

Милый другъ,

Мы шли по одной дорогѣ. Подъ Вами оборвалась крутизна; я продолжалъ идти, гордясь тѣмъ, что цѣль, и отчасти стыдясь того, что цѣль,—не очень долго: и подо мною оборвалась крутизна. И вотъ, мы оба лежимъ, разбитые. Это ничего, мы оба выздоровѣемъ, опять пойдѣмъ своею дорогой, одной дорогой; опять я буду часто сердить Васъ, Вы будете говорить мнѣ: „надобно работать, работать“! Такъ; но пока мы лежимъ, мы не видимся. А мнѣ хотѣлось бы, чтобъ и это время разлуки не пропало даромъ для нашей дружбы. И вотъ, мнѣ вздумалось показать Вамъ, какъ я понимаю Васъ, какъ я цѣню Васъ. Прочтите,—вѣдь скажете: „да, я представленъ вѣрно“! А если такъ, то, значитъ, моя повѣсть будетъ имѣть успѣхъ. Да, не скрываю отъ Васъ и этой другой своей цѣли,—разсч та на успѣхъ. Что скрывать?—Вы слишкомъ хорошо знаете меня: дружба дружбой, нѣжность нѣжностью, а самолюбьишко и разсчетецъ все таки тутъ же, подлѣ дружбы и нѣжности. Черты живаго, очень выразительнаго лица, изображаемаго съ любовью не слѣпою, но горячею,—характерные для эпохи факты, разсказываемые во всей живой ихъ опредѣленности, должны дать моему очерку больше яркости, чѣмъ могло бы быть въ блѣдныхъ изображеніяхъ моей слабой фантазіи. Правда, я измѣняю обстановку, на сколько нужно, чтобы не затрогивать самолюбія однихъ, не оскорблять благородной скромности другихъ лицъ, группирующихся около Васъ въ моей повѣсти, какъ въ моей памяти. Но вся сущность дѣла сохранена безъ всякой перемѣны, и нѣкоторыя сцены я могу пересказывать почти слово въ слово такъ, какъ онѣ происходили. Это запасъ повѣствовательнаго матеріала, слишкомъ соблазнительный для разсказчика съ блѣднымъ воображеніемъ—и я польстился на этотъ запасъ. Онъ Вашъ, а не мой; потому у другого человѣка надобно было бы мнѣ спросить позволеніе пользоваться имъ, прежде, чѣмъ запускать въ него руку. Но Вы не такой человѣкъ;—впередъ извѣстно, что скажете: „если это полезно для другихъ, то пріятно мнѣ“!

*) *Примѣчаніе издателя.* Настоящая повѣсть написана моимъ отцомъ въ 1863 г. въ крѣпости непосредственно вслѣдъ за романомъ „Что дѣлать?“, конецъ котораго помѣченъ 4 апрѣля 1863 г., а начало этой повѣсти помѣчено 5 апрѣля 1863 г. Окончаніе повѣсти не сохранилось. Была ли она окончена? На вѣроятность окончанія указываетъ помѣтка, сдѣланная на 1 страницѣ рукописи: „5—6 апрѣля—22 іюля“. Повидимому, это указаніе на время начала и окончанія повѣсти, такъ какъ и далѣе на рукописи имѣются подобныя даты, причемъ послѣдній сохранившійся листъ помѣченъ 26 мая.

Дружьи! Работа есть лопатамъ! и проч.
Спасибо скажутъ наши внуки,
Когда разбогатеетъ Русь и проч.
Ей пригодится камень каждый,
Который добываемъ мы.

(Пѣсня Алферьева). Некрасовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Алферьевъ, устроивъ свою карьеру, приобретаетъ въ кругу знакомыхъ заслуженную репутацию.

I.

Исторія начинается.

Алферьевъ просидѣлъ у меня цѣлый вечеръ. Мы провели время очень пріятно, въ разговорѣ о высокихъ предметахъ. Мы оба любимъ такіе разговоры.

На другое утро я работалъ, то есть плодилъ слова на бумагѣ, — слова то и не пустяки, пожалуй, только плодилъ то почти что по пусту, но съ усердіемъ къ пользѣ ближняго и своей. Служанка вошла и говоритъ: „Пожалуйте въ залу, тамъ васъ спрашиваютъ, — Алферьевъ“.

Что такое? — подумалъ я. Вотъ ужъ полгода, мы очень хороши съ Алферьевымъ, но не до такой пѣжной неразлучности. Вчера не предполагали видѣться раньше, какъ недѣли черезъ двѣ. Значить, экстренное дѣло. Но какое жъ можетъ быть дѣло у него ко мнѣ? — Всѣ наши отношенія съ Алферьевымъ состоятъ въ разговорахъ о высокихъ предметахъ; въ нихъ никогда не бываетъ экстренности. А, главное, что жъ онъ остался въ залѣ и прислалъ сказать о себѣ, а не вошелъ прямо, самъ, въ кабинетъ? — Странно.

Выхожу въ залъ. — Опершись рукой на столъ у дивана, стоялъ незнакомый молодой человекъ, одѣтый изящно. Я плохой распознаватель умѣнья одѣваться, но даже я съ перваго взгляда замѣтилъ тонкій вкусъ въ его костюмѣ „безукоризненно строгой простоты“. (Я вычиталъ, что надо выражаться такъ). И самъ онъ показался мнѣ человекомъ очень свѣтскаго воспитанія: такъ непринужденна была его поза, такъ легко онъ поклонился и сдѣлалъ шагъ впередъ ко мнѣ, въ отвѣтъ на мой поклонъ. А независимо отъ своей свѣтскости, изящный посѣтитель былъ господинъ вѣскольکو средняго роста, сухощавый, довольно широкой въ плечахъ и костлявый, съ свѣтлыми, почти бѣлыми, но очень курчавыми волосами, съ очень бѣлымъ, даже блѣдно-ватымъ, но здоровымъ цвѣтомъ лица, черты котораго были угловаты, съ сѣрыми маленькими глазами узкаго прорѣза, — скорѣе некрасивъ, чѣмъ недурень.

— Извините, сказалъ я:—служанка назвала мнѣ фамилію моего притомки, г. Алферьева; слуги часто такъ перевираютъ, прибавилъ я съ развязною улыбною, имѣвшею своимъ назначеніемъ прикрыть мой конфузъ по поводу гнусаго бумажнаго татарскаго халата, закапаннаго стеариномъ спереди и— вещь пеймовѣрная, но дѣйствительная, даже сзади, и съ этого сзади бывшаго въ Плюшкинскомъ видѣ, выказывавшемся своими краями по бокамъ.— Покорно прошу, дополнилъ я съ свойственною мнѣ любезностью.

— Служанка не переврала; моя фамилія дѣйствительно Алферьевъ, сказалъ посѣтитель, садясь и подавая письмо.

Я взглянулъ на адресъ, разрывая конвертъ: рука Панаева. „А!“— Развернулъ записку—такъ и есть: „не найдете ли у насъ въ журналѣ работа для г. Алферьева, который выходитъ въ отставку, чтобы заняться литературою“.—Умень, подумалъ я. Да и гантирѡвка общаетъ хорошаго работника. Въ перчаткахъ будете писать, сударь? Иванъ Ивановичъ чловѣкъ деликатный, отдѣлался отъ тебя препровожденіемъ ко мнѣ; а мнѣ препроводить васъ ужь некуда, кромѣ вашей квартиры. Не погнѣвайтесь, сударь.

— Я посмотрю-съ; поищу; быть можетъ, найду что нибудь для васъ; но не рассчитывайте на это: скорѣе нѣтъ.—Онъ хотѣлъ встать и раскланяться; но такъ какъ я большой искусникъ въ разговорахъ, по части мастерства ввязываться, къ собственному озлобленію, въ бесѣды съ посѣтителями, отъ которыхъ желаю поскорѣе избавиться, то я ужь и продолжалъ:—Вы не родственникъ Ильѣ Никитичу Алферьеву, котораго я ожидалъ найти вмѣсто васъ? Договаривая эти слова, я, съ обычною своею быстротою и основательностью соображенія, уже глубоко обдумалъ нелѣпость ихъ: если бъ былъ родственникъ, то натурально Илья Никитичъ и рекомендовалъ бы его, а не явился бы онъ въ родѣ Мельхиседека, самъ по себѣ, безъ рода и племени. Но, противъ моего ожиданія, посѣтитель отвѣчалъ:

— Да, я ему родственникъ.

— И въ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ?

— Да!

— Но вѣдь онъ знакомъ и съ Панаевымъ и со всѣми въ „Современникѣ“.

— Я знаю.

Что за диво!—Почему же вы не сказали ему, чтобъ онъ познакомилъ васъ?

— Потому что я не хотѣлъ пользоваться рекомендацію.

— Его? Почему жь?

— Не его въ частности, а вообще;—потому что не находилъ это удобнымъ.

*) Я, наконецъ, вразумился и почувствовалъ къ нему нѣкоторое уваженіе, не смотря на его изящество. Не хочется, видите ли вы, пользоваться рекомендацію. Смѣшно; но почему не сказать и „честно“. Онъ заслуживаетъ, чтобы посовѣтовать ему не дѣлать глупости.—Вы хотите выйти въ отставку, чтобы заняться литературою. Занятіе хорошее, если у васъ есть беллетристическій талантъ. Но нельзя же цѣлый день писать повѣсти,—это не обы-

*) Помѣтка на рукописи: 6 апрѣля.

денное занятіе, на цѣлый день, и не мѣшаетъ обыденной работѣ. Быть беллетристомъ—очень можно и оставаясь на службѣ. А, кромѣ повѣстей, ничто не требуется и ничто не выгодно. Собственно журнальная работа—черная работа, которая обременительнѣе службы; славы она вовсе не даетъ, денегъ даетъ мало.

— Я это знаю. Писать повѣстей я не буду. Я ищу черной журнальной работы,—не потому, что она завидна, а потому, что она нужна мнѣ. Я не для того выхожу изъ службы, чтобы быть литераторомъ; я желаю найти работу въ журналѣ, потому что выхожу въ отставку.

— Значить, у васъ нѣтъ независимыхъ средствъ для жизни?

— Нѣтъ.

— Это другое дѣло. Если у васъ есть качества, нужныя для журнальной работы, вы, вѣроятно, найдете ее; не у насъ,—у насъ все занято,—но гдѣ нибудь въ другомъ журналѣ. Но само собою, вы должны въ это время оставаться на службѣ, чтобы не остаться ни при чемъ. Вѣдь можетъ быть, вы и не годитесь для журнальной работы. А если и годитесь, это устраивается не такъ скоро. И тутъ, какъ на службѣ, приходится ждать вакансій. Итакъ, ищите, испытывайте себя и ждите, оставаясь на службѣ.

— Я не могу этого сдѣлать. Не дальше, какъ черезъ недѣлю, я долженъ подать въ отставку.

— Это жаль. Что жъ, у васъ вышли столкновенія по службѣ?

— Нѣтъ. Но я долженъ выйти въ отставку потому, что служба портить. Я не выдержалъ и засмѣялся. Служба портить! Это любопытно.

— Гдѣ жъ вы нашли такую службу? Въ откупахъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, спокойно улыбувшись:—въ министерствѣ **— онъ назвалъ министерство.

— Интересно. Я знакомъ со многими, служащими въ этомъ министерствѣ; признаюсь вамъ, не замѣчалъ ни на комъ порчи отъ службы въ немъ. Одно изъ самыхъ чистыхъ министерствъ, помилуйте.

— Я не говорилъ, что портить служба именно въ этомъ или какомъ нибудь другомъ министерствѣ, я говорилъ, что портить служба вообще. Примѣръ вы могли бы видѣть на Ильѣ Никитичѣ.

— На Ильѣ Никитичѣ?!—сказалъ я съ удивленіемъ:—Илья Никитичъ непорченный человѣкъ? Помилуйте! Онъ превосходный человѣкъ,—честнѣйшій гражданинъ; такихъ людей мало, не то, что у насъ, и тамъ, гдѣ люди получше, чѣмъ у насъ, такихъ людей мало.

— Да. Я не говорилъ противнаго. Но ему 28 лѣтъ; онъ статскій совѣтникъ; онъ свыкъ съ мыслью о карьерѣ. Онъ получаетъ 3.000 р. жалованья: онъ ужъ приобрѣлъ привычку имѣть тонкое бѣлье и обѣдать въ хорошемъ ресторанѣ, платя за обѣдъ полтора рубля, и имѣть къ столу полбутылки сотерна. Онъ ужъ не можетъ считаться неспорченнымъ человѣкомъ, потому что ему тяжело отказаться отъ всего этого. Если бы попадобилось мѣнять дорогу—ему ужъ поздно: онъ уже привыкъ дорожить тѣмъ, отъ чего потребовалось бы отказаться. Онъ человѣкъ связанный. Черезъ три года, когда мнѣ будетъ 26 лѣтъ, со мною будетъ тоже. Я этого не хочу. Я хочу остаться человѣкомъ свободнымъ.

— Илья Никитичъ человѣкъ связанный и испорченный, потому что онъ привыкъ имѣть хорошее бѣлье?—повторилъ я, смотря на своего поcѣтителя съ его изящнымъ туалетомъ.

— Вы хотите сказать, что я одѣтъ лучше, чѣмъ онъ?—Да. Это моя потребность. Но теперь я еще могу отказаться отъ нея. Теперь, я еще могу жить на 25 р., на 15 р. въ мѣсяцъ. Черезъ три года будетъ поздно.

Слѣдовательно, онъ можетъ рассчитывать на хорошую карьеру, подобно Ильѣ Никитичу, если ему черезъ три года будетъ поздно?

— Мнѣ кажется, сказалъ я, можно и не приобретать дурной привычки обѣдать въ хорошемъ, а въ скверномъ ресторанѣ, если ужъ это такъ вредно,—и можно носить самое дурное бѣлье, если это необходимо для неспорченности. Получайте хорошее жалованье—и все таки можете жить нищимъ, если вамъ это нравится.

— Въ переводѣ на серьезный языкъ, вы хотите сказать, что имѣя характеръ, можно и не портиться. Это такъ. Но кто можетъ поручиться за себя? Честность требуетъ не подвергать себя опасностямъ измѣнить себѣ.

— Извините меня, но вы представляетесь мнѣ человѣкомъ экзальтированнымъ.

— Что я представляюсь вамъ человѣкомъ экзальтированнымъ, это, конечно, такъ, если вы говорите. Но себѣ я не представляюсь такимъ человѣкомъ. Какъ видите, я флегматикъ. Я сужу холодно.

— Хорошо. Вы говорите, что испортитесь черезъ три года. Я рекомендую вамъ оставаться на службѣ вовсе не такъ долго,—нѣсколько мѣсяцевъ („въ теченіе которыхъ эта дурь пройдетъ у тебя, мой милый“)—въ теченіе которыхъ вы еще не испортитесь, а избѣжите риска. Служите, пока найдете работу и испытаете себя на ней.

— Это было бы лучше, правда. Но есть особенная причина, по которой я не могу этого сдѣлать. Я чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ. До сихъ поръ мнѣ давали мелкія дѣла. Теперь мнѣ хотятъ поручить историческо-статистическую работу,—онъ назвалъ работу,—вы видите, что она займетъ много времени,—годъ, если не больше,—что она важна и интересна. Вы согласны?

— Совершенная правда. Но что жъ изъ этого?

— Взявшись за нее, я заинтересуюсь ею. Кромѣ того, было бы безчестно бросить дѣло, за которое взялся. Вы видите, я буду надолго привязанъ. А въ это время изъ этой самой работы возникнуть другія такія же. Отказаться отъ нея, оставаясь на службѣ, я не могу, потому что это безчестно. Итакъ, я долженъ выйти въ отставку теперь же, или связываю себя навсегда,—становлюсь тѣмъ, чѣмъ сталъ Илья Никитичъ.

Илья Никитичъ! Это было до крайности забавно. Нашелъ примѣръ нравственнаго паденія. Человѣкъ живетъ очень скромно (я знаю, сколько расходовъ на другія онъ долженъ дѣлать изъ своего жалованья). Почти не курить сигаръ, которыя очень любить. Все надѣлалъ этотъ несчастный обѣдъ, единственная роскошь, которую онъ себѣ позволяетъ. Вотъ ты, братецъ, точно, субъектъ, а не Илья Никитичъ. Бѣжить изъ службы оттого, что нашли его дѣльнымъ человѣкомъ, и даютъ ему работу, которая выдвинетъ его вне-

редь, обезпечить его служебный успѣхъ.—Но у меня мелькнула другая мысль о субъектѣ, сидѣвшемъ подлѣ меня. Ему хотѣть поручить работу, предполагающую большія свѣдѣнія. Ясно, что служба противна его убѣжденіямъ, кромѣ того, что хочеть испортить его хорошимъ жалованьемъ и карьерою. Но вотъ куда нельзя ли отвернуть его отъ литературы!—(У многихъ журналистовъ есть—и у меня была—манера отклонять отъ литературы всякаго порядочнаго человѣка; вѣроятно, по нежеланію дѣлиться съ другими пріятностями этого дѣла).—Позвольте спросить, гдѣ вы кончили курсъ?

— Въ здѣшнемъ университетѣ.

— Кандидатомъ?

— Да.

— Держите экзаменъ на магистра?

— Я сдѣлалъ это.

— Чего жъ вамъ лучше?—Ищите мѣста профессора. Кафедра и вѣрнѣе, и спокойнѣе, и почетнѣе журнальной работы. У васъ остались связи съ университетомъ?

— Съ немногими изъ профессоровъ.—Онѣ называлъ двухъ, трехъ.

— Они руководятъ большинствомъ совѣта. Ихъ мнѣніе принимается Щ*** (тогдашнимъ попечителемъ). По вашему знакомству я вижу, что вы магистръ юридическаго факультета. Въ немъ три каѳедры вакантны. Выбирайте, черезъ два мѣсяца получите любую.

— Мнѣ говорили. Но я не хочу дѣятельности, противной моимъ убѣжденіямъ. Никакая каѳедра не можетъ быть согласна съ моими убѣжденіями.

— Даже и каѳедра? Помилуйте!

— Мнѣ странно слышать это отъ васъ, сказалъ онъ такимъ тономъ, будто говорилъ путное.

— Ну, дѣтина!—Мы разговорились. Я сталъ подробно разбирать каждый пунктъ нашего предшествовавшаго краткаго объясненія,—по каждой статьѣ доказывалъ разсудительность своего мнѣнія, экзальтированность его взгляда. Онъ слушалъ терпѣливо, спокойно; возражалъ холодно и коротко; большею частью, не оспаривалъ моихъ словъ,—по очевидному непризнаванію ихъ заслуживающими возраженій,—а только говорилъ: „вашъ взглядъ таковъ; я не могу раздѣлять его“;—„мой взглядъ кажется вамъ неправиленъ; я остаюсь при мнѣніи, что онъ вѣренъ“.—Я постепенно вошелъ въ свою манеру подсмѣиваться. Шутки мои не всегда отличаются соблюденіемъ такта, бывають (по мнѣнію другихъ) часто неловки, неумѣстны,—полагаю, противъ моего намѣренія,—пошловаты до непріятности. Онъ принималъ ихъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, съ видомъ снисходительнаго одобренія, съ мягкою, нѣсколько меланхолической улыбкой, которая явилась у него, какъ только сталъ разговоръ одушевляться, и ужъ не сходила съ лица его все время; въ его глазахъ, маленькихъ, сѣрыхъ, такъ и вонзавшихся въ васъ, свѣтилось кроткое, задумчивое добродушіе. Съ этимъ взглядомъ, съ этой улыбкой, лицо его стало привлекательно. Такъ мы толковали часа два. Онъ нѣсколько разъ входилъ въ мой тонъ и самъ подсказывалъ мнѣ насмѣшливые обороты мысли противъ себя самого, и все тихимъ, будто мишорнымъ тономъ: въ его голосѣ постоянно звучало уныніе. Это меня тогда же поразило: отчего

унылый голосъ при самой свѣжей бодрости и твердости духа?—конечно, отчего: его общій образъ мыслей печаленъ, онъ все и день и ночь скорбитъ, какъ гражданинъ; это было и очень забавно, и очень мило. Что это очень мило, я оставилъ себѣ знать про самого себя; а что это забавно, я сказалъ ему; и онъ согласился, что это должно быть забавно. Да и вообще, онъ охотно смѣялся надъ собою,—то есть, надъ впечатлѣніемъ, которое онъ долженъ производить. Но оставался совершенно какъ наковальня: какъ ни колоти, она только отзывается на удары, будто и слышитъ, но не остается никакого слѣда на ней отъ нихъ. Уперся на своемъ, и баста. „Что жъ изъ того, если другимъ это кажется неблагоразумно или смѣшно? По-моему—нѣтъ“!—вотъ вамъ и все. Съ тѣмъ мы и разстались. Я просилъ его зайти ко мнѣ черезъ недѣлю, что можетъ быть я найду ему какую нибудь работу, а вѣрнѣе, что не найду,—но что важнѣе потолковать еще разъ,—„нельзя ли васъ сбить съ вашихъ мыслей“.—„Это напрасно“, скромно отвѣчалъ онъ.—И я очень хорошо и давно видѣлъ, что напрасно.—„Конечно; но все таки священный долгъ опытнаго человѣка—не оставлять безъ назиданія восторженнаго юношу“, сказалъ я, смѣясь уже надъ собою.—„Конечно; и юноша обязанъ не скрываться отъ назиданій. Зайду“.

II.

Второе явленіе *).

Въ Петербургѣ часто бываетъ, что, долго не встрѣчавъ ни разу человѣка, котораго вы очень могли бы уже много разъ встрѣтить у общихъ вашихъ и его знакомыхъ, вы вдругъ начинаете встрѣчать его очень часто. Дѣло случая.

Дня черезъ два, черезъ три послѣ того, какъ новый Алферьевъ былъ у меня, мнѣ случилась надобность побывать у профессора,—назову его хоть Молодымъ: онъ и тогда вовсе не былъ ни молодымъ человѣкомъ, ни молодымъ профессоромъ, но онъ заслуживаетъ этого псевдонима по юношеской чистой пылкости, которая сохранилась въ немъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ профессоровъ, о которыхъ мой новый знакомый упоминалъ, какъ о своихъ знакомыхъ. Я засталъ г. Молодого за завтракомъ, вмѣстѣ съ его семействомъ, и онъ, по усердію къ общей пользѣ, обозначаемому его псевдонимомъ, тотчасъ же горячо принялся толковать о дѣлѣ, которое тогда довольно часто заводило меня къ нему. Дѣло, точно, было важное, занимательное. Завтракъ кончился, и мы перешли въ кабинетъ хозяина. И хозяйка перешла туда вмѣстѣ съ нами, потому что дѣло интересовало и ее, женщину умную, образованную. Черезъ четверть часа слуга доложилъ, обращаясь не къ хозяину, а къ хозяйкѣ: „господинъ Алферьевъ“.—„Скажи ему, что я сейчасъ буду готова“, сказала хозяйка мужу, вставая, и ушла.—Вошелъ мой новый пріятель.—„Жена сейчасъ будетъ готова, Борисъ Константиновичъ“, сказалъ

*) Помѣтка на рукописи: 17 апр. 23 июля.

хозяйинь;— черезъ двѣ, три минуты хозяйка возвратилась,— „ѣдемъ, Борисъ Константиновичъ“— и они скрылись.

Мы съ хозяиномъ продолжали толковать о своемъ,— читали, слыхали, справлялись,— часа три незамѣтно пролетѣли въ работѣ и спорахъ; дверь кабинета отворилась и вошла хозяйка въ сопровожденіи своего кавалера. У нея въ рукахъ была связка, очевидно, происходившая изъ Гостиннаго Двора, у него— другая, явно того же происхожденія.— „Посмотри, что мы накупили для Анеты“, сказала хозяйка мужу,— связки развязались, явился кусокъ матеріи,— изъ разсужденій о ней я повилъ, что это какая то особенная кисея; другой кусокъ— тоже что въ родѣ другой особенной кисеи, и пошли куски матерій, платочки, рукавчики и всякое тому подобное добро, предназначавшееся для Анеты, тогда очень милой дѣвочки лѣтъ одиннадцати (теперь ужъ почти невѣсты— и славной дѣвушки),— тоже уже явившейся восхищаться пріобрѣтеніями, сдѣланными для нея. Отецъ Анеты, сообразно своему характеру, обозначаемому псевдонимомъ Молодаго, тоже всматривался и хвалилъ,— ну, да вѣдь онъ то отецъ Анеты, почему ему не посмотрѣть на наряды, радующіе дочку,— а Алферьевъ то изъ за чего усердствуетъ?— Мой Алферьевъ неутомимъ и неистощимъ въ изложеніи свойствъ и достоинствъ кисей и платочковъ, рукавчиковъ и воротничковъ, закупленныхъ для Анеты.

Если бъ онъ хотѣлъ занять кафедру, было бы натуральнымъ расчетомъ прислуживаться хозяйкѣ для дружбы съ хозяиномъ, отъ голоса котораго зависятъ кафедры юридическаго факультета; только, нѣтъ: этотъ голосъ нельзя купить, умный человѣкъ не станетъ и пытаться прислуживаться ему ли, женѣ ли его,— это значитъ, проиграть всякій шансъ кафедры. Да и это была бы низость, это не похоже на человѣка, который не хотѣлъ знакомиться со мною черезъ своего родственника, моего пріятеля. Да вѣдь онъ же и не ищетъ кафедры,— профессоръ Молодой самъ предлагалъ ему ее, безъ его искательства,— онъ отказался. Что жъ это такое?— Ѣдетъ изъ Коломны въ Большую Конюшенную, чтобы отправиться въ Гостинный Дворъ съ дамою, уже не молодою, не красавицею и съ молодю, вовсе не охотницею до кокетства и съ молодю,— и проводить съ нею въ Гостинномъ Дворѣ часа два. если не больше, закупаая наряды для 11-лѣтней дѣвочки, возвращается, чтобы разсматривать и объяснять эти наряды,— и какъ объясняетъ, показываетъ ихъ.— Хозяйка скажетъ два, три слова о какой нибудь статьѣ покупки, а мой новый знакомый такъ и рассыпается, съ жаромъ и обиліемъ мыслей модистики профессорствуетъ по части цвѣта и рисунка барежа и кисеи,— голосъ тихъ, и лицо задумчиво,— но и по голосу и по лицу слышно и видно, что скорбящій гражданинъ наслаждается. И хозяйка видимо признаетъ его авторитетность по этой части, и выражаетъ полное довольство результатами своего послушанія его совѣтамъ въ Гостинномъ Дворѣ,— и хозяйинъ слушаетъ и видитъ это равнодушно, будто такъ и слѣдуетъ молодому магистру юридическаго факультета равняться съ сидѣльцами лавокъ Погребова, Рябова, Янсена Гоета свѣдѣніями по бережно-кисейному вопросу,— хозяйинъ не удивляется такому проявленію юридическаго таланта.

Меня разбиралъ смѣхъ.— Лизавета Семеновна, спросилъ я хозяйку:— давно произведенъ вамъ monsieur Алферьевъ въ dame d'atours вашего двора?

— Да, я ему очень благодарна; Борисъ Константиновичъ никогда не

тяготится помогать мнѣ своими совѣтами, отвѣчала она безъ малѣйшей насмѣшки.

— М.-г. Алферьевъ,—вы не разсердитесь, Лизавета Семеновна,—но скучно вамъ это, м.-г. Алферьевъ?

— Нѣтъ, отчего же скучно, когда у меня есть вкусъ и знаніе?—Это доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, отвѣчалъ скорбящій гражданинъ.

Началось сообщеніе мнѣ свѣдѣній и я узналъ,—вещь уже не удивительную послѣ того, что видѣлъ,—узналъ, что мой скорбящій гражданинъ находится въ отношеніяхъ модистки-совѣтчицы не къ одвой Лизаветѣ Семеновнѣ, а ко всѣмъ дамамъ и дѣвицамъ, съ которыми знакомъ, утромъ ѣздитъ съ ними въ Гостинный Дворъ и по магазинамъ, вечеромъ цѣлые часы и часы разсуждаетъ съ барынями и барышнями о ихъ нарядахъ,—да вѣдь не то, что говорить любезности по поводу нарядовъ,—какое!—говорить серьезно, будто самъ барышня, о томъ, какой покрой лучше, какой цвѣтъ идетъ къ лицу, какая прическа изящнѣе; пользуется и наслаждается, и очень гордится своимъ авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ.

— Борисъ Константиновичъ, да вы бы издавали модный журналъ, сказалъ я ему въ насмѣшку какъ то разъ, когда мы побольше познакомились съ нимъ,—сказалъ въ насмѣшку ему, и вздохнулъ, вспомнивъ то время, когда я былъ сотрудникомъ одного моднаго журнала и даже писалъ въ немъ нѣсколько разъ обзоръ моды, при такомъ феноменальномъ отсутствіи всякаго понятія о нихъ, которое сдѣлало бы честь любому трапписту, — о, какое стѣсненное было это время, когда слѣдовало бы веселиться, пользоваться молодостью,—не мнѣ, я тогда ужъ не былъ молодъ,—нѣтъ, не мнѣ... а было нельзя—грустно было видѣть это, быть причиною этого... ну, да ничего: еще будетъ время, вознаградится.—Впрочемъ, что жъ я все сбиваюсь на свои дѣла.—Борисъ Константиновичъ, да вы бы издавали модный журналъ, сказалъ я ему въ насмѣшку.

— Я думаю объ этомъ, отвѣчалъ онъ очень солидно:—вы смѣетесь надъ этимъ, но вы тутъ совершенно неправы. Моды, наряды—это очень хорошо и очень важно.

Плюшкинъ не по одному халату, а отчасти даже и отъ очень большой части—и въ душѣ, я привыкъ съ глубокимъ пренебреженіемъ смотрѣть не то что на такую крайность, какую видѣлъ въ Борисѣ Константиновичѣ, а даже на самое умѣренное развитіе изящныхъ наклонностей и свѣтской граціозности въ мужчинѣ. Женщина—ваша игрушка: игрушка должна быть нарядна, это ея право, это ея утѣшеніе, она должна заниматься этимъ; это источникъ ея бѣдной, жалкой возможности выбиваться изъ нашего порабощенія,—это для нея дѣло серьезное, вопросъ объ огражденіи своей личности, о приобрѣтении какого нибудь наслажденія жизнью. Но въ мужчинѣ мысль объ изяществѣ своей личности казалась мнѣ признакомъ пошлой пустоты. А въ Борисѣ Константиновичѣ я видѣлъ такую дикость, которой и постигать не могъ.—Заниматься своимъ изяществомъ—это въ мужчинѣ наклонность, положимъ, пустая, глупая, но все-таки понятная. Но онъ идетъ въ тысячу разъ дальше: быть руководителемъ дамъ въ выборѣ нарядовъ, проводить въ этомъ занятіи цѣлые часы, утѣшаться этимъ—такая странность совершенно нелѣпа.

И точно, я долго не могъ понять возможности соединенія въ одномъ человѣкѣ такихъ несоотвѣтствующихъ качествъ и стремленій, какія видѣлъ въ Борисѣ Константиновичѣ. Очень долго я не былъ въ состояннн характеризовать его въ своихъ мысляхъ иначе, какъ словами „нелѣпный человѣкъ“.

Если бы я изображалъ выдуманное лицо, мнѣ не пришло бы въ голову совмѣстить въ немъ такія черты, а еслибъ и вздумалось мнѣ это, я, конечно, сообразилъ бы, что это лицо неправдоподобное, невозможное для романа, который не хочетъ казаться безсвязною сказкою. Но когда я близко узналъ Бориса Константиновича, мнѣ стало казаться, будто я понимаю его. Нелѣпнымъ, онъ все-таки остался для меня, но пересталъ быть невозможнымъ.

Онъ нѣсколько разъ заходилъ ко мнѣ справляться, не нашелъ ли я ему работу; мы нѣсколько разъ встрѣчались у профессора, котораго я называлъ Молодымъ, у Ильи Никитича, и постепенно стали близки другъ другу,—впрочемъ, не скоро,—и также постепенно,—частью отъ него, гораздо больше отъ другихъ,—я кое-что узналъ и о его прошедшемъ,—больше всего я узналъ отъ Ильи Никитича.

III.

Какія свѣдѣння существуютъ въ преданняхъ о свойствахъ, обнаружившихся, и подвигахъ, совершавшихся Борисомъ Константиновичемъ Алферьевымъ до начала настоящей исторнн. Также и о томъ, что въ дѣянняхъ его было особеннаго и что не особеннаго *).

— У васъ есть родственникъ Борисъ Константиновичъ, — что онъ за человѣкъ и почему я ни разу не встрѣчалъ его у васъ?—спросилъ я Илью Никитича, когда увидѣлся съ нимъ послѣ перваго явлення Бориса Константиновича на полѣ моего зрѣння.

— Борисъ? — юноша. Впрочемъ, хорошнй юноша. Еще не установился и неизвѣстно, что изъ него выйдетъ; очень можетъ выйти дрянъ, а еще вѣроятнѣе — сумасшедшнй. Но гораздо больше можно рассчитывать, что когда установится и образумится, то будетъ умный и порядочный человѣкъ. Теперь онъ еще слишкомъ экзальтированъ, а я все холожу его. Ему это, конечно, не по вкусу. Потому онъ рѣдко бываетъ у меня по вечерамъ, а когда у меня собираются знакомые, онъ и вовсе не благоволяетъ посѣщать меня. Потому въ его и не встрѣчали у меня.

— То есть, вы продолжаете обращаться съ нимъ такъ, какъ обращались, когда ему было 15 лѣтъ, а вамъ 20. Натурально, что онъ не хочетъ стоять въ такихъ отношенняхъ при вашихъ знакомыхъ.

— Что, вы ужъ съ выговоромъ мнѣ? А вы долго съ нимъ говорили?

— Довольно долго.

— Ну, какъ же вы самъ-то съ нимъ говорили? Полагаю, такъ же, какъ я?

*) Помѣтка на рукописи: 6 апр. 23 июля.

— И то правда. Онъ хочетъ выходить въ отставку — безразсудство, но кажется его не переубѣдишь; — и хочетъ заняться журнальною работою. — Способенъ онъ къ этому?

— Да, если захочетъ.

— Какъ же, если захочетъ? — Хочетъ.

— А что жь изъ этого, что нынѣ хочетъ? Завтра можетъ не захотѣть, — такой человѣкъ, что всегда дѣлаетъ Богъ знаетъ что; вы спросили, что онъ за человѣкъ, — человѣкъ неблагонадежный, хоть и основательный.

Илья Никитичъ началъ рассказывать, что онъ зналъ о немъ. Этотъ рассказъ послѣ дополнился, какъ я ужъ говорилъ, кое-какими другими разсказами самого Бориса Константиновича и другихъ, и вотъ какія свѣдѣнія я теперь имѣю о жизни Бориса Константиновича до той поры, какъ я познакомился съ нимъ.

Съ той самой поры, какъ Илья Никитичъ знаетъ его, онъ все такой и былъ — тихій, кроткій, задумчивый, будто флегматичный, — съ 5 лѣтъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ съ семействомъ, по случаю перечисленія отца изъ провинціальной службы въ столичную. Флегматическая разсудительность никогда не измѣняла ему. Онъ шалилъ въ дѣтствѣ, но съ соблюденіемъ спокойствія, хладнокровія, не забывался въ шалостяхъ, а между тѣмъ, переходилъ въ нихъ обыкновенные предѣлы дѣтской опрометчивости; вотъ какъ, напримѣръ. Тогда ему было лѣтъ 8, 9. Сидитъ онъ на окнѣ, въ спальнѣ, которая окнами на дворъ и, высовывая голову изъ окна, посматриваетъ въ бокъ, на стѣну, — и смирно, хорошо. Смотритъ мать черезъ минуту — нѣтъ Бориньки. “Гдѣ Боринька?” — „Боринька, гдѣ ты?“ — „Сейчасъ ворочусь, мамаша“, отзывается смирный голосъ Бориньки снизу, снаружы, черезъ окно — мать выглядываетъ съ испугомъ: Боринька ужъ близко отъ земли, спускается по жолобу, — а квартира въ 3-емъ этажѣ, отъ окна до земли сажени три, четыре. — Черезъ минуту Боринька входитъ въ комнату, не запыхавшись, ничего. — „Боринька, да какъ же это можно?“ — „Да вѣдь я, мамаша, разсматривалъ: жолобъ то подлѣ самага окна, — такъ хорошо достать руками“. — „А какъ сорвешься?“ — „Я подумалъ, мамаша, — только увидѣлъ, что какъ же сорваться? Онъ не толстый, не тонкій, въ самую пору мнѣ хорошо обхватить. И я сильный, ловкій“. — „Ну, а если проволоки между листами перержавѣли, или тонки, и онъ весь оторвался бы подъ тобой?“ — „А вотъ этого я не сообразилъ, мамаша. Виновать, мамаша, не годилось дѣлать этого“. — Рано стали замѣчать въ немъ, при ровной, мягкой послушливости почти во всемъ, дубовое упрямство въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ первый разъ онъ показалъ дикую настойчивость, когда ему было 6 лѣтъ, — онъ учился читать, и читалъ ужъ бойко. Вотъ, сидитъ Боринька и смотритъ въ книгу прилежно. Мать, проходя мимо, заглянула — книга лежитъ передъ нимъ вверхъ ногами. — „Что это, Боринька?“ — „А я хочу и такъ умѣть читать“. — „Вверхъ ногами-то? Да зачѣмъ это, Боринька?“ — „Такъ мнѣ вздумалось, мамаша“. — И выучился читать вверхъ ногами. И все такъ, — что заберетъ себѣ въ голову, то и дѣлаетъ. Сначала эти оригинальности относились къ ребяческому вздору, какъ умѣнье читать книгу вверхъ ногами, или какъ то, что услышавъ ходячій повсюду анекдотъ о Колумбѣ, поставившемъ яйцо на длинный конецъ, Боринька

съ мѣсяць все трудился поставить яйцо на длинный конецъ безъ Колумбовской уловки, не раздавливая, пока эта напрасная фантазія смѣнилась успѣшнымъ трудомъ надъ обученіемъ скворца говорить: „Боринька, выпусти меня“.—Нѣтъ, еще нельзя, не умѣешь сказать, чего тебѣ хочется“, возражалъ Боринька на невнятные звуки; но когда остался доволенъ чистотою произношенія своего воспитанника, поставилъ клѣтку на окно, покормилъ скворца изъ рукъ, поцѣловалъ его головку.—„Ну, теперь скажи, чего ты хочешь“.—Скворецъ молчалъ, Боринька сидѣлъ и ждалъ.—„Боринька, выпусти меня“.—Хорошо сказалъ, изволь“.—Боринька отворилъ клѣтку—скворецъ выступилъ изъ клѣтки на окно, оглянулся, подошелъ опять къ клѣткѣ, потерялся о нее носикомъ,—попробовалъ подточить, хлопая крыльями, разъ, другой,—закричалъ еще разъ: „Боринька, выпусти меня“—взмахнулъ крыльями и улетѣлъ.—Боринька все это время плакалъ и улыбался, и долго смотрѣлъ въ окно за полетомъ скворца, и все плакалъ. Въ этомъ ужъ виденъ смыслъ; а ребенку было только еще лѣтъ 11. Потомъ характеръ его упрямства сдѣлался еще яснѣе. Напримѣръ, онъ сталъ требовать, чтобы прислуга звала его „ты, Боринька“, а не „вы, Борисъ Константиновичъ“—и опровергалъ возраженія по Сократовскому методу, въ вопросахъ и отвѣтахъ: „А ты скажи, Марфа, я кто? мальчикъ?“—„Мальчикъ“.—„А Петровъ сынъ, Андрюша, кто? мальчикъ или нѣтъ?“—„Мальчикъ“.—„Ты его какъ зовешь? Андрюша или Андрей Петровичъ?“—Андрюша“.—„Онъ мальчикъ, и я мальчикъ; стало быть и я кто же? Боринька я“. Мать находила это лишнимъ; когда услышала отецъ, вовсе сердился; прислуга не слушалась Бориньки;—но онъ не трогался съ мѣста и не отвѣчалъ, пока ему говорили „Борисъ Константиновичъ, мамаша зоветъ васъ“; выходили сцены, наконецъ, всѣ устали, а онъ упрямствовалъ и таки добился своего: стали говорить: „Боринька, мамаша зоветъ тебя“.

*) Въ это время Боринькѣ было лѣтъ 12, и Илья Никитичъ потерялъ его изъ виду лѣтъ на 5: Константинъ Григорьевичъ, отецъ Бориньки, опять уѣхалъ на провинціальную службу,—получилъ мѣсто губернатора въ Симбирскѣ, или Тамбовѣ, или гдѣ-то въ тѣхъ краяхъ. Илья Никитичъ не могъ сообщить мнѣ, какимъ образомъ Боринька лѣтъ черезъ 5 появился въ Петербургѣ, одинъ, для поступленія въ университетъ; только предполагалъ, что это не обошлось безъ ссоры съ отцомъ, но подробностей не зналъ. Я потомъ услышалъ ихъ отъ матери Бориса Константиновича,—самъ онъ не любилъ разсказывать о своихъ подвигахъ.

Вылѣзаніе изъ окна 3-го этажа по жолобу, обученіе скворца словамъ „Боринька, выпусти меня“, обученіе домашнихъ словамъ: „Боринька, мамаша зоветъ тебя“—все это мало доходило до отца; но Боринька подрастала, кругъ его мыслей и поступковъ расширялся, сталъ проникать въ кабинетъ Константина Григорьяча.

Константинъ Григорьячъ былъ человѣкъ совершенно честный, умный, знающій дѣла, занимающийся ими; но это нисколько не мѣшало въ его губерніи твориться такимъ чудесамъ, какихъ въ сказкахъ не бывало,—почему

*) Помѣтка на рукописи: 7 апр. 22 іюля.

не мѣшало, все равно; да намъ и нѣтъ дѣла до этихъ чудесъ: намъ нуженъ только самъ Константинъ Григорьичъ. Вотъ два, три случая, слышанные мною отъ туземцевъ, которыхъ встрѣчалъ я въ Петербургѣ.

Однажды въ хорошее лѣтнее утро, часовъ въ 10, возкликли по всеѣмъ улицамъ баснословнаго губернскаго города и полицейскіе солдаты, и пожарные солдаты, и проспавшіеся забранные вчера пьяные, съ крестами мѣломъ на спинахъ, чтобы не убѣгали, и просто мѣщане безъ крестовъ мѣломъ на спинахъ, значить, нанятые городомъ или выставленные на натуральную повинность, которые не убѣгутъ,—по цѣлой ордѣ на каждой улицѣ, и у каждаго ордынца въ рукахъ ведро и мазилка и каждая орда тащить съ собою по нѣсколько маленькихъ лѣстницъ.—Что это такое?—Орды идутъ благонамѣреннымъ порядкомъ,—вотъ, каждая орда разсыпается по своей улицѣ отрядами, по 2, по 3 человекъ.—„Начинай“ раздается команда старшихъ ордынцевъ,—мазилки погружаются въ ведра, вынимаются, и пошли писать водяною желтою вохрою все некрашенные заборы и деревянные дома;—владѣльцы, а паче владѣльцы домовъ поднимаютъ вопль, особенно новыхъ сосновыхъ домиковъ: новенькая сосна вѣдъ такъ и бѣлѣть, лоснится на солнцѣ, мило смотрѣть; но ордынцы дѣйствуютъ сколь мирно, столь же и невозмутимо, и склоняющееся къ западу свѣтило дня зрѣть уже пожелтѣвшими всеѣ дома и заборы баснословнаго города которые зрѣло некрашенными, восходя надъ градомъ отъ страны восточной.—„А вы будьте благодарны, дурачье, поясняли ордынцы: даромъ обходитесь вамъ, на городской счетъ“.—Впрочемъ, рассказавъ это, я вижу, что не рассказалъ еще ничего о Константинѣ Григорьичѣ, маніемъ руки ужелтившемъ свою резиденцію. Но вотъ это ужъ особенное—только это ужъ не одинъ случай, а повторялось разъ пять, шесть въ началѣ резидировація Константина Григорьича, пока не нужно стало повторять. Дѣйствіе происходитъ въ кабинетѣ Константина Григорьича.—„Нельзя, ваше превосходительство“, произноситъ правитель канцеляріи или старшій секретарь губернскаго правленія: „законъ говорить противное“.—„Какой законъ, укажите?“—Препятствователь беретъ съ этажерки томъ Свода Законовъ, раскрываетъ, указываетъ статью.—„Это законъ?“—„Законъ“.—„Онъ мѣшаетъ?“—„Онъ мѣшаетъ, ваше превосходительство“.—Константинъ Григорьичъ выдвигаетъ ящикъ стола, бросаетъ туда Сводъ Законовъ, задвигаетъ ящикъ.—„Гдѣ законъ? укажите“.—Правитель канцеляріи или старшій секретарь молчитъ.—„Ступайте, пишите, какъ я велю“, говоритъ Константинъ Григорьичъ, разваливаясь въ своемъ креслѣ. Умолкнувшій возражатель идетъ и пишетъ.—И это выдвиганье и задвиганье сходило съ рукъ Константину Григорьичу. Впрочемъ, оно опять, быть можетъ, еще не характеризуетъ Константина Григорьича. Такъ вотъ это ужъ вѣроятно характеризуетъ.

Однажды поутру народъ сталъ останавливаться у воротъ ограды Рождественской церкви.—Что такое останавливается народъ? Подошелъ полицейскій, посмотрѣлъ, пошелъ въ часть, доложилъ. Приѣхалъ частный приставъ, взглянулъ, поскакалъ доложить полиціимейстеру. Полиціимейстеръ поскакалъ и доложилъ Константину Григорьичу. „Узнать, кто“, сказалъ Константинъ Григорьичъ. Полиціимейстеръ поскакалъ къ протопопу Рождественской церкви.

Протопоцъ говоритъ: „право, я ничего не знаю, кто и какъ“. Тогда полиціймейстеръ поскакалъ на Московскую улицу узнавать изъ источника, — источникъ жилъ на Московской улицѣ. Какой же это источникъ, — что, о комъ и отъ кого узнавать поскакалъ полиціймейстеръ, и что это за происшествіе, надѣлавшее столько хлопотъ полиціймейстеру? — Происшествіе было такое, что поутру увидѣли у церковныхъ воротъ привезенный ночью колоколь, пудовъ въ 40—45 вѣсомъ, а къ ушамъ колокола привязана записка: „Сей колоколь жертвуется въ Рождественскую церковь неизвѣстнымъ дателемъ для душевнаго спасенія“. Колоколь, разумѣется, новенькій, съ иглочки. Духовенство церкви перекрестилось съ усердіемъ: „слава Богу! Мы ужъ давно говорили прихожанамъ, что поіелейный колоколь у насъ треснулъ; да прихожане то у насъ не усердны къ церкви. А вотъ, Господь и послалъ со стороны милость свою“. — Поѣхали, доложили архіерею; архіерей повторилъ то же, велѣлъ отслужить молебенъ и тащить колоколь на колокольную. Тѣмъ дѣло и кончилось со стороны неизвѣстнаго дателя и духовной власти. Но когда полиціймейстеръ доложилъ объ этомъ губернатору, Константинъ Григорьичъ вздумалъ спросить: кто неизвѣстный датель? — Какое было ему дѣло до этого? — Никакого; такъ, вздумалось. Протопоцъ не знаетъ неизвѣстнаго дателя; но на колоколѣ, по обыкновенію, надпись, на какомъ заводѣ отлить: „сей колоколь, вѣсомъ въ 41 пудъ 5 фунтовъ, отлить на заводѣ купца Сыроѣдова“. Да хоть бы и не было надписи, все равно источникъ былъ бы извѣстенъ; другого колокольнаго завода, кромѣ Сыроѣдова, нѣтъ на 300 верстъ кругомъ. Вотъ полиціймейстеръ и поскакалъ къ купцу Сыроѣдову. Купецъ Сыроѣдовъ говоритъ: „Точно; колоколь съ моего завода. Мой приказчикъ и отвезъ его нынѣшней ночью къ церкви“. — „Кто неизвѣстный датель?“ говоритъ полиціймейстеръ. — „Этого не могу сказать, потому что онъ запретилъ. Онъ для Бога жертвовалъ, не для славы человѣческой. Сами знаете, когда доброе дѣло получаетъ славу человѣческую, лишается заслуги передъ Богомъ“. — „Такъ и не скажете?“ — „Не могу сказать, батюшка: поклялся держать втайнѣ“. — „Такъ и его превосходительству доложить, Иванъ Федорьчъ?“ — „Такъ и его превосходительству доложите, батюшка“. — Полиціймейстеръ поскакалъ къ Константину Григорьичу: такъ и такъ, ваше превосходительство, не сказывается. — „Не сказывается?“ — „Не сказывается, ваше превосходительство“. — „Привезти его самого ко мнѣ“. — Опять поскакалъ полиціймейстеръ къ Сыроѣдову, привезъ его къ Константину Григорьичу. — „Кто неизвѣстный датель?“ — „Не могу сказать, ваше превосходительство, побожился ему хрпать втайнѣ, потому что онъ для Бога жертвовалъ, а не для славы человѣческой; вы сами, ваше превосходительство, изволите знать, когда доброе дѣло получаетъ славу человѣческую, лишается заслуги передъ Богомъ“. — „Не сказываете, Иванъ Федорьчъ? Мнѣ не сказываете?“ — „Не могу сказать, ваше превосходительство“. — „Въ полицію“, сказалъ Константинъ Григорьичъ, обращаясь къ полиціймейстеру. Полиціймейстеръ вздохнулъ, — онъ былъ пріятель Ивану Федорьчу, — и повезъ Ивана Федорьча въ полицію. — Сидитъ Иванъ Федорьчъ въ полиціи въ секретной, никого къ нему не допускаютъ. Семейство Ивана Федорьча сходить съ ума. Иванъ Федорьчъ, 65-лѣтній старикъ, сначала дрожитъ отъ холода въ не-

топленной секретной, потомъ угораеть чуть не до смерти, когда секретную затопили, чтобъ онъ не замерзъ.—На другой день явился въ полицію полиціймейстеръ.—„Скажите неизвѣстнаго дателя, Иванъ Федорычъ; губернаторъ очень гнѣвается на вашу непокорность“.—„Не могу“.—„Не можете?“—„Не могу“.—Полиціймейстеръ вздохнулъ еще тяжеле прежняго и повезъ Ивана Федорыча въ острогъ. Сидитъ Иванъ Федорычъ въ острогѣ пять недѣль, въ концѣ пятой недѣли получается изъ Петербурга предписаніе: „Купца первой гильдіи Сыроѣдова выпустить съ предоставленіемъ ему права жаловаться на незаконное заключеніе“. Предписаніе получено оттого, что, благо, архіерей почелъ себя прикосновеннымъ къ дѣлу и послалъ донесеніе.—„Будете жаловаться, Иванъ Федорычъ?“ спрашиваютъ у него.—„Какъ же мнѣ жаловаться, батюшка? У меня подряды, постройки,—пожалуйся, меня раззорять“.—„Да какъ же, Иванъ Федорычъ, вѣдь онъ васъ избидѣлъ?“—„Это точно, сильно избидѣлъ меня, старика“.—„А вѣдь вы, Иванъ Федорычъ, можно сказать, одинъ изъ первыхъ купцовъ у насъ въ обществѣ?“—„Это точно, можно сказать“.—„Какъ же можно не жаловаться то?“—„А я же вамъ сказалъ, какъ мнѣ нельзя жаловаться то“.—Стало быть, и это дѣло сошло съ рукъ Константину Григорычу; а можетъ быть, и оно тоже не показываетъ еще ничего особеннаго въ Константинѣ Григорычѣ.—Ну, такъ вотъ это уже покажетъ.

*) Тоже все однажды нашли на улицѣ убитаго старика. Экая важность!—подумаешь;—каждый мѣсяць бывала не одна такая находка. Но вотъ, подите же, на этотъ разъ городъ почему то вздумалъ удивиться, вздумалъ думать, тотчасъ же обдумалъ и пошелъ толковать: „Климчонки, Климчонки!—Это Климчонки убили!“ Въ городѣ, видите, было повѣріе, будто завелась въ немъ новая секта, Климчонки, у которыхъ вѣра состоитъ въ томъ, что мужья должны забивать своихъ женъ до смерти для своего и ихъ душевнаго спасенія и что эту свою вѣру Климчонки основываютъ на словахъ: „кто погубить свою душу, тотъ спасетъ ее“; „душа“ кто же, какъ не жена? Слѣдовательно, кто убьетъ свою жену, тотъ спасетъ свою душу, и женину тоже, потому что она—невинная мученица. Такъ разсуждали Климчонки, по мнѣнію города. Существовала ли секта какихъ нибудь Климчонковъ, разумѣется, неизвѣстно; а скорѣе, что нѣтъ; а если существовала, то ужъ, разумѣется, не разсуждала же такимъ образомъ. Оно точно, многіе мужья въ томъ городѣ, какъ и во всякомъ другомъ, забивали до смерти своихъ женъ,—но безъ всякаго сектантства и не на основаніи иностранныхъ словъ: „кто погубить свою душу, тотъ спасетъ ее“, а на основаніи роднаго нашего присловья: „жену люби какъ душу, трясина какъ грушу“, поясняемаго другимъ роднымъ присловьемъ: „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“, и вѣроятно, даже полагали, что жена отъ этого будетъ долговѣчнѣе, по третьему нашему присловью: „битая посуда два вѣка живетъ“,—но, иногда въ усердіи къ родному обычаю и хватали черезъ мѣру—только. Какое тутъ сектантство? И опять же, если и существовали Климчонки, то вѣдь сами же горожане говорили, что по Климчонской сектѣ слѣдуетъ забивать женъ; а старикъ какая жена?—

*) Помѣтка по рукописи: 8 апр. 24 июля.

„Вздоръ“, сказалъ Константинъ Григорьичъ; „никакихъ Климчонковъ нѣтъ; я разузнавалъ объ этомъ, и архіерея спрашивалъ, и съ благочиннымъ сколько разъ говорилъ,—и они говорятъ, нѣтъ никакихъ Климчонковъ; а старикъ убить просто въ дракъ. Поискать убійцу по кабакамъ“. Поискали; по обыкновению не нашли. Старика похоронили и тѣмъ покончилъ дѣло Константинъ Григорьичъ.—Но въ городѣ росъ и росъ вопль: „Климчонки, Климчонки! Губернаторъ прикрываетъ Климчонковъ. Они станутъ всѣхъ насъ убивать“. Словомъ, до того взбудоражились мирные граждане резиденціи Константина Григорьича, что пошелъ слухъ по всему широкому царству Русскому и поднялось дѣло. Константинъ Григорьичъ урезонивалъ производителей дѣла, что Климчонки, если бы и были на свѣтѣ, никакъ не могли бы убить старика. Производители заговорили, что губернаторъ мѣшаетъ дѣлу, прикрываетъ Климчонковъ. Правитель канцеляріи говорилъ Константину Григорьичу: „не мѣшайте; пусть дѣлаютъ, что хотятъ; а то вамъ плохо будетъ“.—„Не попусти губить людей, которые ни въ чемъ невиноваты“, говорилъ Константинъ Григорьичъ, и продолжалъ опровергать производителей. Они уѣхали, не открывши ничего; пріѣхали другіе, важнѣе прежнихъ,—стали распоряжаться помимо Константина Григорьича. Насажали полонъ острогъ людей; нѣтъ мѣста въ острогѣ сажать больше; наняли большой домъ, и его насажали полонъ; наняли другой домъ, и тотъ набили биткомъ. Константинъ Григорьичъ не могъ мѣшать, но продолжалъ урезонивать распорядителей. Правитель канцеляріи продолжалъ совѣтовать ему отстать; онъ продолжалъ отвѣчать правителю канцеляріи: „пусть будетъ мнѣ плохо; но не могу молчать при такомъ безобразіи“. И точно, черезъ нѣсколько времени пришла ему отставка,—почетная: перемѣщеніе въ Петербургъ, на мѣсто безъ дѣла, рангомъ равное губернаторскому, съ жалованьемъ больше губернаторскаго. Онъ сказалъ: „не хочу“, взялъ чистую отставку и уѣхалъ въ свою деревушку,—онъ имѣлъ душъ 300.—Половина острога и два дома года два стояли набиты народомъ по стариковскому Климчонковскому дѣлу, потомъ стали понемногу опоражняться: иные поудавлялись, другіе такъ поумирали, по больше выпускали;—года еще черезъ два разсортировали и всѣхъ остальныхъ: больше выпустили, а десятка два и сослали за фальшивыя показанія и ябеды. Еще года черезъ два пьяный мужикъ проговорился, что это онъ убилъ старика, безъ всякаго климчонства, а просто: шли они вмѣстѣ изъ кабака пьяные, поругались, старикъ хватилъ его кулакомъ по уху, а онъ хватилъ старика по головѣ топоромъ, который на грѣхъ случился у него за поясомъ. И этого мужика сослали, разумѣется.

Вотъ этотъ случай уже конечно нельзя назвать не показывающимъ ничего особеннаго въ Константиинѣ Григорьичѣ; потому онъ и не сошелъ даромъ съ рукъ ему. Илья Никитичъ, когда рассказывалъ мнѣ о единородномъ сынкѣ такого родителя, не зналъ этихъ дѣяній родителя и безъ исторіи ограничился сильнымъ отзывомъ о Константиинѣ Григорьичѣ, какъ о человѣкѣ страшно упрямомъ и своенравномъ, обыкновенно взбалмошномъ, иногда обращавшемъ свою твердость и на хорошее.

— Такъ вотъ что! — замѣтилъ я на этотъ отзывъ: — одна половина

характера въ Борисѣ Константиновичѣ отъ него; а другая не отъ матери жѣ?—мать какого характера? кроткая и разсудительная?

— Такъ, другая половина характера отъ нея. Экій умница, какой догадливый, сказалъ Илья Никитичъ, и поцѣловалъ меня въ маковку.—Я махнулъ рукою на себя, какъ имѣю привычку дѣлать, когда заслуживаю такое одобреніе. Да что, еще такія ли истины открываю я въ разговорахъ. Разъ я сказалъ, что у Гоголя былъ великій талантъ, — въ другой разъ, что Коперникова система была очень большимъ шагомъ впередъ въ астрономіи,—въ третій разъ, что пища имѣетъ вліяніе на здоровье. Мои пріятели, слыша отъ меня такія истины, всегда поздравляютъ меня за нихъ словами, иногда цѣлуютъ въ маковку; люди мало знакомые спрашиваютъ шопотомъ: „что это?“ — пріятели отвѣчаютъ имъ: „да, онъ разсѣянъ; это только оттого, что онъ разсѣянъ!“—малознакомые, находя такое истолкованіе недостаточнымъ, покачиваютъ головою. Но за эти же вещи, попадавшіяся въ моихъ статьяxъ, я заслужилъ имя софиста, недобросовѣстнаго парадоксиста, и мало ли еще какого нехорошаго человѣка. Вотъ какъ различна судьба однихъ и тѣхъ же словъ въ разговорѣ и печати.

Оно точно не требовалось быть ни Гоголемъ, ни Коперникомъ, чтобы сообразить, что у такого лица жена была тихая, кроткая и разсудительная женщина; каковы ни были ея врожденныя качества, хоть бы родилась она графинею Зрини и Лолою Монтесъ, она все таки стала бы черезъ нѣсколько лѣтъ замужества ниже воды, типе травы, и привыкла бы къ разсудительности.—Но мужъ снисходилъ въ иномъ ея ослабѣвшему здоровью, и благодаря тому, согласился взять Бориньку съ собою въ провинцію, а не отдалъ въ кадетскій корпусъ или въ училище Правовѣдѣнія при своемъ отбѣздѣ, какъ думалъ. Но это была только отсрочка, чтобы подросъ. Черезъ годъ по пріѣздѣ въ провинцію, сынъ сталъ просить, чтобъ его отдали въ гимназію, потому что веселѣе учиться съ другими, чѣмъ одному. Отецъ не согласился, а сказалъ, что еще черезъ годъ все таки надобно будетъ отправить Бориса въ корпусъ. Боринька приготовился къ отпору. Онъ учился хорошо; но когда начались сборы къ отправленію въ корпусъ, онъ сказалъ, что посылать его нельзя, онъ не выдержитъ экзамена. — „Какъ такъ?“ — „Такъ, не выдержу“.—„Экзаменъ легкій“. — „Никакого не выдержу“. — „Не выдержишь въ 3-ій общій классъ, поступишь во 2-й“.—„Ни въ какой классъ не выдержу“.—„Какъ?“ — „Такъ“. И пояснилъ, какъ такъ: мать сказала ему по французски, что отецъ разсердится, что шутить нельзя.—„Я не понимаю, мамаша; скажите по русски, я позабылъ“.—Отецъ разсердился и порядкомъ поучилъ его. Но Боринька все позабылъ: и географію позабылъ, когда на другой день пришелъ учитель, и грамматику позабылъ; готовился даже забыть умѣть читать. Отецъ раза два вбивалъ ему память чубукомъ; не вбилъ, только притупилъ. Послѣ третьяго раза Боринька сказалъ: „вы видите, папаша, побои не помогаютъ мнѣ, а только дѣлають мученье; такъ вы не мучьте меня, или я уйду“.—„Куда?“—„Куда нибудь“.—Константинъ Григорычъ побилъ его еще побольше, и заперъ, сказавши: „выпусти, когда попросишься“. День прошелъ, другой день прошелъ—Боринька не просится, чтобъ его выпустили. Прошла недѣля: тоже. Отецъ увидѣлъ, что дѣло

доходить до слишкомъ большой глупости; да и мать просила; отецъ сказалъ ей: „ступай выпусти“.—„Пойдемъ, Боринька, папаша простилъ“.—Боринька поблагодарилъ мамашу и сказалъ: „вы, мамаша, не огорчайтесь, о томъ я васъ попрошу“.—„О чемъ?“—„Оставьте меня тутъ еще“.—„Зачѣмъ?“—„Потому, что это мнѣ ничего; только скучно, а я могу терпѣть“.—Отецъ развелъ руками.—„Пусть сидитъ“—Боринька просидѣлъ еще дня три, уже съ незапертою дверью, по не соблазнился выйти. „Довольно“,—сказала мать: „видимъ, что ты можешь терпѣть“.—„Когда увидѣли, такъ покорно благодарю, мамаша, потому что мнѣ было очень скучно“.—Конечно, сердясь на сына, отецъ отчасти и былъ доволенъ такими его геройствами, думая: „въ меня! молодецъ!“—и послѣ нѣсколькихъ подобныхъ столкновений, въ которыхъ сынъ держалъ себя точно также, Константинъ Григорьичъ отпустилъ его въ университетъ, чему не повѣрилъ бы, еслибъ предсказали ему это года за три.—Это я слышалъ впоследствии отъ матери Бориса Константиныча; а изъ того, что слышалъ въ началѣ знакомства съ нимъ отъ Ильи Никитича, стоитъ рассказать еще о двухъ прїѣздахъ сына къ родителямъ въ деревню на каникулы.

Понятно, что Константинъ Григорьичъ, чрезвычайно тяжелый въ семействѣ, не церемонился ни съ прислугою, ни съ мужиками, на резидированіе между которыми удалился года черезъ полтора послѣ отъѣзда сына въ университетъ. Когда сынъ на слѣдующее лѣто прїѣхалъ въ деревню, онъ въ первый разъ просидѣлъ за столомъ смирно, только поглядывалъ на отца, ругавшаго неуклюжую прислугу, которая замѣнила въ домѣ небогатаго помѣщика прежнюю благодивную и расторопную прислугу губернатора; но на другой день сказалъ, что обѣдать будетъ одинъ, у себя въ комнатѣ. „Почему?“ спросила мать.—„Если батюшкѣ будетъ угодно, я скажу ему; это относится къ нему“.—Отецъ позвалъ его. Пошли объясненія; тянулись недѣлю, безъ успѣха; сынъ уѣхалъ въ сосѣдній городъ; черезъ двѣ—три недѣли возвратился и отецъ въ остальное время каникулъ сдерживалъ себя, не дрался и не ругался.—На слѣдующее лѣто, сынъ хотѣлъ было идти дальше, облегчить положеніе матери, которую отецъ мучилъ своими капризами; но тутъ не могъ сдѣлать ничего, потому что мать слишкомъ любила мужа, сама очень мѣшала сыну, ежеминутно поддавалась мужу и упрашивала сына не вступаться за нее.—Онъ долженъ былъ бросить начатое. Но, разумѣется, и отецъ давно ужъ бросилъ мысль вмѣшиваться въ дѣла сына, чувствовалъ себя при немъ стѣсненнымъ, но и гордился имъ, видя въ немъ свой портретъ.

По окончаніи курса, Борисъ Константинычъ еще года полтора бралъ отъ своихъ деньги на свое содержаніе; небольшія деньги, потому что при своемъ небогатомъ помѣстьѣ отецъ хоть и жилъ вообще очень скромно, но любилъ играть роль и иногда давалъ обѣды съ вивомъ изъ Петербурга; да и самъ Борисъ Константинычъ не хотѣлъ брать много: ему довольно было 500 р. въ годъ. Выдержавъ экзамень на магистра и поступивъ на службу, онъ отказался отъ всякаго пособія со стороны родныхъ.

Вотъ каковъ былъ характерецъ моего поваго знакомаго: смирный, скромный, задумчивый, будто печальный, будто холодный,—все обдумывающій

впередъ, на всякія замѣчанія отвѣчающій: „я знаю“, дѣлающій все по зрѣломъ размышленіи, но воплощеннѣйшій упрямецъ, какой только бывалъ на свѣтѣ; ко всему этому—съ какой стати?—присоединяющій очень большую заинтересованность своимъ туалетомъ, пристрастіе къ изяществу до заботливости о наряжаніи всѣхъ знакомыхъ дамъ. Я уже говорилъ, что если бы изображалъ выдуманное лицо, никакъ не вздумалъ бы, что эта черта можетъ быть совмѣщена съ остальнымъ характеромъ его фізіономіи; но чѣмъ больше узнавалъ я Бориса Константиныча, тѣмъ больше видѣлъ, что это у него не одинокая черта, что во всемъ въ жизни проявляется у него сильная склонность, соотвѣтствующая страсти разсуждать о фасонѣ рукавовъ и волановъ: изящество, изящество во всемъ.—Въ какихъ комнатахъ пришлось ему жить при началѣ нашего знакомства, это скоро будетъ рассказываться: въ плохихъ, даже очень; но онъ украшалъ свою жалкую комнату очень изящною бронзовою статуэткою, изображавшею Рашель,—статуэткою, пережившею все другое его имущество. Мы съ Ильею Никитичемъ смѣялись сквозь тоску передъ разлукою съ Борисомъ Константинычемъ, пересчитывая списокъ вещей, которыя онъ бралъ съ собою въ дорогу. Ему, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, неудобно было самому заняться покупкою вещей для своего отъѣзда, и онъ поручилъ сдѣлать это Ильѣ Никитичу. Всего, всѣхъ вещей на очень, очень дальнюю дорогу онъ хотѣлъ имѣть только рублей на 60, 70,—а въ это время у него были деньги; но онъ скупился и справедливо; обрѣзывалъ свои надобности до послѣдней возможности. Я въ своемъ Плюшкинскомъ халатѣ, удивлялся скудности списка и говорилъ: Илья Никитичъ, необходимо купить нѣсколько паръ теплыхъ чулокъ, фланелевую рубашку,—я набиралъ много такихъ необходимостей, пропущенныхъ въ списокъ. „Хуже васъ я знаю, что это было бы необходимо,—отвѣчалъ Илья Никитичъ:—да вѣдь онъ не возьметъ, броситъ; вы знаете, каковъ этотъ юноша,—скажетъ: когда я нашелъ ненужнымъ, то не нужно“.—„Правда“, сказалъ я. За то, тѣ немногія вещи, которыя онъ хотѣлъ имѣть, онъ описывалъ въ подробности, чтобы купить ему ихъ именно такого сорта, какой ему нуженъ, и совершенно особеннаго сорта. Ручку для стальныхъ перьевъ онъ предписывалъ купить рѣзную изъ краснаго коралла; почтовую бумагу—соломеннаго цвѣта; стальные перья—непремѣнно въ тисненной гуттаперчевой коробочкѣ. Коротко сказать: половина вещей казалась взята изъ кабинета свѣтскаго капризника, другая половина—съ туалетнаго стола свѣтской дѣвушки. Но верхъ совершенства составлялъ портфель. Борисъ Константинычъ велѣлъ купить его непремѣнно въ англійскомъ магазинѣ и очень отчетливо изображалъ длинную его характеристику. Замѣчательнѣйшею частью портфеля былъ замочекъ,—точно, совершенно особенный: въ срединѣ восьми-угольной стальной дамаскированной пластинки лежачее колесо съ зубчиками; оно повертывается—и портфель запертъ; если хотите запереть еще безусловно, оно повертывается другимъ манеромъ, и тогда снимается съ восьми-угольной пластинки и кладется въ карманъ; а на томъ мѣстѣ, гдѣ оно было, на пластинкѣ вырѣзаны арабески; очень, очень мило.—Но всего этого изящества было, какъ я сказалъ, на 60, 70 рублей. Это былъ списокъ вещей спартанца, имѣющаго склонности графа Д'Орсе. Онъ бралъ съ собою нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ Шекспира. Илья

Никитичъ пашель очень красивое изданіе, въ предестномъ англійскомъ переплетѣ; Борисъ Константинычъ, не расчитывавшій на подобную удачу, восхитился ею, и нѣсколько минутъ Илья Никитичъ не могъ отвязаться отъ его похвалъ за такого Шекспира.

Мнѣ не случалось слышать, какъ Борисъ Константинычъ говоритъ по-французски, потому что по неспособности моей внимать какіе бы то ни было звуки, кромѣ отечественныхъ, всѣ двенадцать языковъ бѣгутъ моего присутствія. (Прискорбна мнѣ мысль, что я не могъ дѣйствовать въ 1812 году, по своей перожденности тогда: Россія избавилась бы отъ нашествія, поставивъ меня на границѣ). Но Борисъ Константинычъ часто говорилъ мнѣ, что будетъ писать по-французски, для европейской публики; изъ этого я заключилъ, что онъ очень хорошо знаетъ французскій языкъ; — что жъ особеннаго, получилъ свѣтское воспитаніе. Однако жъ, мнѣ пришлось быть озадаченныиъ отъ него и по этой части, когда онъ принесъ мнѣ главу изъ романа, который писалъ по-французски. Читаю и разѣваю ротъ: едва ли найдется во Франціи десятокъ писателей, которые такъ свободно и энергично владѣютъ французскимъ языкомъ; сжатость, сила, легкость — удивительныя; рѣшительно, первоклассный французскій писатель по слогу. — Какъ это онъ умудрился? — Оказалось, что это одна изъ величайшихъ его амбицій, совершенство во французскомъ языкѣ, и онъ Богъ знаетъ сколько упражнялся, чтобъ достигъ этого таланта. „Это очень изящный языкъ, и составляетъ мою страсть“, пояснилъ онъ.

*) Я увѣренъ, что величайшее изъ его честныхъ прискорбій состояло и продолжалось состоять въ томъ, что онъ не красавецъ.

Если было въ немъ еще что нибудь особенное, кромѣ страсти къ изяществу при страшномъ упрямствѣ, пусть постепенно выказывается изъ разсказа о его приключеніяхъ, какъ выказывалось для меня этими приключеніями. Но въ первое время моего знакомства съ нимъ, сущность вопроса о Борисѣ Константиновичѣ состояла именно въ его изящности при упрямомъ намѣреніи бросить службу, „чтобы не испортиться“.

VI.

Какъ устранивается матеріальный бытъ Бориса Константиныча по выходѣ его въ отставку. Причемъ твердостью воли Бориса Константиныча рѣшается восточный вопросъ.

Жилъ онъ очень скромно; и одѣвался скромно, хоть очень изящно; даже и скромное, все таки стоитъ денегъ; кромѣ того, онъ обзаводился изящными вещами. Поэтому у него не было ровно нисколько денегъ въ запасѣ, а были, напротивъ, кое какіе небольшіе долги. Впрочемъ, и безъ слабости къ изяществу, трудно было бы ему въ 23 года составить себѣ капиталъ, когда до опредѣленія на службу онъ получалъ отъ родныхъ не больше 500 р., а, опредѣлившись на службу, отказался и отъ этого пособія. Спра-

*) Помѣтка на рукописи: 9 апрѣля.

шивалось теперь: чѣмъ же будетъ онъ жить, бросивъ службу, пока найдетъ себѣ литературную или другую работу?—Наличность его кассы могла продлить его земную жизнь на 2, на 3 недѣли. Что затѣмъ?—Если бы я нашелъ ему работу, было бы отлично. Но я одаренъ такимъ свойствомъ, что всегда, очень подолгу не могъ найти работы для хорошихъ сотрудниковъ,—умѣнье распорядиться! Увидѣвъ, что отъ меня ждать нечего, Борисъ Константинычъ сталъ продавать свои вещи, распродалъ все въ нѣсколько дней, и все таки остался безъ денегъ;—узнавъ это потомъ, я спросилъ, какъ же онъ устроилъ, что продавъ вещей рублей на 300, остался все таки съ 25 рублями. „Я продалъ вещи, чтобы скорѣе расплатиться съ долгами“, сказалъ онъ.—Да почему жъ вамъ именно въ это время совершеннаго безденежья нужно было платить долги, которыхъ вы не спѣшили платить прежде?—„Прежде, у меня были вѣрные доходы, я былъ увѣренъ въ возможности расплатиться, когда потребуютъ. Оставаясь безъ доходовъ, я хотѣлъ расплатиться немедленно, потому что не зналъ, скоро ли будетъ потомъ у меня эта возможность“. Совершенно основательно.

*) Но за то онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ очень тѣсныхъ обстоятельствахъ, такъ что продалъ напоследокъ почти все свое бѣлье. На полсотни рублей онъ прожилъ мѣсяца четыре. Удалось ему помѣститься гдѣ то статейку, взять за нее рублей 30,—хватило еще мѣсяца на полтора. Потомъ опять нѣтъ ничего. Онъ очень сильно нуждался. Наконецъ, стали улыбаться ему двѣ перспективы: одна, недурная и вѣрная; другая очень хорошая, но слишкомъ невѣрная.—Русское Общество Пароходства и Торговли имѣло, тогда по крайней мѣрѣ вдвое больше управляющихъ, агентовъ, завѣдующихъ и всякихъ служащихъ, чѣмъ все остальные торговли и пароходныя общества на свѣтѣ, взятыя вмѣстѣ; и особенно много у него было агентовъ на Востокѣ. Кто то изъ имѣвшихъ влияние въ этомъ обществѣ сказалъ Ильѣ Никитичу, что можетъ быть, достанетъ его родственнику мѣсто агента общества въ Бейрутѣ или Смирнѣ.—Борисъ Константинычъ приходилъ въ идиллическое восхищеніе отъ этой надежды: свѣтлое небо Востока,—полутропическая растительность—синее море,—онъ безпрестанно повторялъ стихи, неизвѣстно откуда взятые имъ (—ужъ не его ли собственные? только я не знаю, едва ли онъ писалъ стихи), но показавшіеся мнѣ дѣйствительно очень милыми:

. . . . Въ благовонной древесной тѣни,
Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золота,
Убаюканный сладостнымъ пѣніемъ
Средиземной волны,—

я буду сидѣть и мечтать,—ходить и мечтать, лежать и мечтать, прибавляя онъ, прочитавъ эти строки своимъ мелодическимъ, тихимъ голосомъ.—Онъ давно мечталъ о югѣ; онъ и прежде, все толковалъ,

*) Помѣтка на рукописи: 10 апрѣля. 11—13 не писалъ. 14 апрѣля.

что отправится на южный берег Крыма или Закавказье. А теперь — берег Сирии или Малой Азии, — какое же сравнение? — восторг, восторг! — Мы с Ильею Никитичемъ сочувствовали стихамъ о пурпурномъ солнцѣ, полосами золотящемъ лазурное море; но считали еще болѣе пріятнымъ обстоятельствомъ то, что за слушаніе сладостнаго пѣнія волны этого моря подъ благовонною древесною тѣнью, благородное Русское Общество пароходства и торговли даетъ 4.000 р. въ годъ. — Борисъ Константинычъ сильно одобрялъ и эту карманную сторону перспективы, но плѣнялся собственно мечтательною частью ея. Однако же, плѣнительная перспектива была невѣрна, слишкомъ невѣрна. Мы съ Ильею Никитичемъ перешли отъ сомнѣнія къ полному безвѣрію въ нее; а Борисъ Константинычъ все еще мечталъ и изъ за этого ожиданія, не слушая нашихъ настояній, медлилъ согласіемъ на другую, немечтательную, но все таки очень хорошую вещь, шедшую къ нему въ руки: уроки географіи, статистики и еще чего то въ заведеніи спекулянта, готовившаго мальчиковъ и юношей къ выдерживанію вступительныхъ экзаменовъ во всякія учебныя заведенія отъ корпуса до университета. Плата за урокъ была хорошая, 2 р. въ часъ, — спекулянтъ былъ такой молодецъ, что понималъ свою выгоду въ запусканіи пыли въ глаза родителямъ даже и высотой платы учителямъ: значить, отлично; уроковъ было много, до 15 часовъ въ недѣлю, такъ что годовой бюджетъ образовался слишкомъ въ 1.000 рублей. — „Берите скорѣе, онъ не можетъ долго ухаживать за вашимъ магистерствомъ; онъ же самъ говоритъ вамъ это, — ему нельзя ждать“, — твердили мы, — и въ заключеніе убѣжденій Илья Никитичъ бранилъ Бориса Константиныча, ссылаясь на меня, что вотъ и посторонній человекъ, а тоже готовъ ругать. Онъ бранилъ бы своего кузена еще гораздо энергичнѣе, если бы мы тогда знали, что Борисъ Константинычъ въ это время, послѣ продажи зимняго пальто (дѣло было въ началѣ весны), занимался продажей своего послѣдняго сюртука, — но тогда мы только знали, что у него вообще не должно быть денегъ, а до какой степени ихъ нѣтъ, мы и не подозрѣвали: онъ сохранялъ изящество своего фрака со всѣми принадлежностями, и кто же звалъ, что онъ рѣдко обѣдаетъ, когда у него были хорошія перчатки? — постысь, тайно отъ людей, какъ древніе отшельники, онъ все носился мечтами по сосѣдству мѣстъ, ознаменованныхъ ихъ подвижничествомъ, между Бейрутомъ и Смирною. Прошло два, три мѣсяца, слухи о Бейрутѣ и Смирнѣ давно заглохли совершенно, — очередь должна была доходить до галстуховъ, — Илья Никитичъ сказалъ однажды: „теперь, Борисъ, надѣюсь, скоро образумишься: перчатки то у тебя ужъ такія же какъ у меня. Вѣрно плохо становится“. — И точно, черезъ нѣсколько времени, пурпурное солнце и лазурное море задернулись туманомъ даже отъ глазъ Бориса Константиныча; онъ отправился къ спекулянту и взялъ уроки.

— Экій ты счастливецъ, Борисъ, сказалъ Илья Никитичъ: — всякій другой на твоёмъ мѣстѣ нашель бы уроки ужъ отданными; — удивительно! — за безразсудныхъ счастье!

Похваливъ его за благоразуміе, которое онъ, наконецъ, оказалъ, я сталъ подсмѣиваться надъ нимъ. — Какая жъ въ васъ послѣдовательность, Борисъ Константинычъ? Не хотите читать лекцій въ университетѣ, потому что не можете читать сообразно съ вашими убѣжденіями, а преподавать Географію

Ободовскаго и Статистику Горлова—беретесь;—вѣроятно, эти книги совершенно соотвѣтствуютъ вашимъ убѣжденіямъ?

До сихъ поръ я остерегался высказывать такое мнѣніе,—пожалуй, наведи только на мысль, онъ и въ самомъ дѣлѣ брякнетъ: „да, это безчестно, и я не сдѣлаю этого“;—но теперь, онъ взялся, значитъ, ужъ останется при своемъ,—но только я напрасно думалъ, что мое замѣчаніе могло бы навевть его на мысль; онъ давно это обдумалъ, и съ самымъ серьезнымъ видомъ возразилъ мнѣ:

— На поверхностный взглядъ это можетъ казаться непослѣдовательностью: я согласенъ. Но я вдумался въ этотъ вопросъ глубже. Двѣ вещи, которыя вы сопоставили, совершенно различны. Вступая на кафедру, я беру на себя обязанность излагать науку, какъ я ее понимаю. Правда ли?

— Такъ.

— А здѣсь, что я обязываюсь дѣлать?—Приготовлять къ экзамену. Я не беру съ собою моего взгляда, отъ меня требуютъ только сообщенія извѣстнаго количества фактовъ.—Тамъ, если я беру за дѣло, я обязанъ развивать человѣка въ человѣкѣ. Здѣсь я только обязываюсь приготовить мальчика къ исполненію извѣстной формальности, въ которой, впрочемъ, нѣтъ ничего дурного, исполненіе которой, напротивъ, полезно для него. Поймите, что, находя при данной обстановкѣ невозможнымъ исполненіе одной изъ этихъ вещей, я могу исполнять другую, которая не имѣетъ ничего общаго съ нею.

— Понимаю,—сказалъ я.—Вы правы, и съ мѣсяць хохоталъ надъ нимъ, говоря: ну-ко, объясните еще разъ.

А вѣдь, пожалуй, онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ правъ. Вотъ это долго затрудняло меня: почему всегда говоришь ему: „оно, пожалуй, и такъ; если хотите, вы правъ“,—и въ то же время хохочешь надъ нимъ; почему нѣтъ возможности ни оспорить его, ни чувствовать, что онъ разсуждаетъ дѣльно?—Но потомъ мнѣ показалось, что я понималъ, отчего это: онъ возводитъ каждый свой личный вопросъ къ общимъ принципамъ, противъ которыхъ никто не спорить; и съ этой высоты, тянетъ логическую нитку до своего уголка, чего не дѣлаетъ никто изъ разсудительныхъ людей. Онъ серьезно принимаетъ за норму дѣйствій то, что для всѣхъ насъ игра словъ. Кто станетъ спорить противъ того, что надобно добросовѣстно исполнять принимаемую на себя обязанность?—Борисъ Константинычъ и изречетъ вамъ эту истину; вы, по оплошности, скажете: „да, я согласенъ съ этимъ“,—думая: экая важность!—а онъ изъ этого и выведетъ вамъ такую штуку, что ему надобно выйти въ отставку, или нельзя искать мѣста профессора. А выводъ правиленъ. Вотъ почему видишь, что результатъ нелѣпъ, смѣешься, а опровергнуть не можешь.

Итакъ, надобно было согласиться, что Борисъ Константинычъ поступаетъ совершенно основательно въ томъ, что беретъ на себя скучное и въ сущности глупое дѣло—приготовленіе мальчиковъ къ экзамену,—дѣло, которое не хуже его можетъ исполнять каждый встрѣчный грамотный юноша,—и находить противнымъ своей совѣсти братья за дѣло очень важное и полезное, на которое ни у насъ и вездѣ очень мало людей вполне способныхъ, и къ которому онъ способенъ, какъ очень немногіе изъ этого малаго

числа. Но только что порѣшилъ этотъ вопросъ съ такою основательностью, какъ вышла новая комиссія.

Черезъ недѣлю послѣ основательнаго рѣшенія этого вопроса, человѣкъ, вліятельный въ Русскомъ Обществѣ Пароходства и Торговли, пріѣхалъ къ Ильѣ Никитичу и сказалъ, что мѣсто агента готово, устроено, пусть Борисъ Константинычъ собирается въ Бейрутъ.—Илья Никитичъ отправился сообщить ему это пріятное извѣстіе. Лицо Бориса Константиныча отуманилось и онъ глубоко вздохнулъ.—„Что ты, Борисъ?“—„Какъ это жаль! какъ это жаль! въ прискорбіи повторялъ Борисъ Константинычъ.“—„Чего жаль?“—„Того, что это мѣсто погибло.“—„Какъ погибло?“—Онъ объяснилъ Ильѣ Никитичу, какъ погибло,—разумѣется, очень основательно; и потомъ повторилъ тотъ же аргументъ мнѣ, съ тѣмъ же прискорбіемъ.—Онъ, изволите видѣть, далъ слово содержанию пансіона, принялъ на себя обязательство и не хорошо черезъ педѣлю отказаться,—это значило бы играть договорами.—„Да послушай, Борисъ: вѣдь онъ ничего не потеряетъ отъ твоего отказа и не потерпитъ никакого затрудненія отъ этого; вѣдь легко найти на твое мѣсто хоть сто человѣкъ, изъ которыхъ каждый будетъ отличнымъ преподавателемъ,—ты только сдѣлаешь услугу кому нибудь изъ твоихъ друзей, передавъ ему эти уроки. Такъ ли?“—„Конечно, такъ; но ты, Илья Никитичъ, смотришь только на одну сторону дѣла; тутъ есть болѣе важное соображеніе, общій принципъ. Принято обязательство; оно справедливо, оно выгодно для обязавшагося; если бы оно было невыгодно для него, онъ имѣлъ бы право отказаться, хотя въ этомъ случаѣ показалъ бы себя человѣкомъ непостояннымъ, каковъ я не хочу казаться; но это обязательство даже нельзя назвать невыгоднымъ для обязавшагося. Можетъ ли человѣкъ отказываться отъ обязательства, когда оно выгодно для него, только потому, что измѣнивъ обязательству, онъ получитъ больше выгоды? Если можетъ, исчезаетъ всякая обязательность договоровъ, подрывается основаніе связей между людьми“...

*) Илья Никитичъ не дослушалъ, съ сердцемъ ушелъ.—Оспаривая намѣренія Бориса Константиныча въ разговорахъ съ нимъ, я обыкновенно защищалъ ихъ безъ него, въ разговорахъ о немъ съ Ильею Никитичемъ. Но тутъ и я спасовалъ: это ужъ дѣйствительно походило на мономанію, которую нельзя защищать и за глаза.

Послѣ того Борисъ Константинычъ опять принялся читать стихи о пурпурномъ солнцѣ и лазурномъ морѣ, и съ мѣсяцъ читалъ ихъ, очень печальнымъ голосомъ. Видно было, что жертва, такъ глупо принесенная имъ въ удовольствіе его мономаніи, была тяжела для него.

V.

Устроивъ свои дѣла, Борисъ Константинычъ начинаетъ заботиться объ устройствѣ чужихъ дѣлъ по тѣмъ же неоспоримо прекраснымъ принципамъ.

Вотъ, такимъ образомъ, Борисъ Константинычъ устроилъ свои дѣла: по смѣшной фантазіи, бросилъ службу, которая обѣщала ему очень хоро-

*) Помѣтка въ рукописи: 15 апрѣля.

шую карьеру, и на которой онъ, при своей твердости и честности, былъ бы полезенъ; по фантази, еще болѣе смѣшной, не захотѣлъ вступить на другую дорогу, тоже недурную въ матеріальномъ отношеніи, — дорогу самую чистую, благородную, на которой онъ былъ бы: — уже мало сказать, полезенъ, должно сказать: чрезвычайно полезенъ; по фантази, уже превышающей всякую мѣру смѣшного, отказался отъ мѣста, стремленіемъ къ которому пылалъ; довольно долго — рѣшительно только по своей дикой фантази, подвергалъ себя тяжелой нуждѣ; теперь, наконецъ, имѣлъ порядочное пропитаніе, но безъ всякой перспективы чего нибудь сноснаго въ будущемъ.

Если такой человѣкъ, какъ Илья Никитичъ, выходилъ изъ терпѣнія, глядя на него, то ужъ разумѣется, онъ совершенно уронилъ себя во мнѣніи всѣхъ остальныхъ своихъ родственниковъ и свѣтскихъ знакомыхъ. — У него было прекрасное положеніе въ обществѣ, у него были превосходныя надежды въ будущемъ, — то есть, еще недавно, и онъ былъ тогда прекрасный молодой человѣкъ, котораго всякое почтенное семейство принимало хорошо, котораго считали за недурнаго жениха даже въ семействахъ очень высокаго круга, недалекаго отъ аристократіи. Ему угодно было, ровно безъ всякой надобности, обратиться въ человѣка ничтожнаго, на котораго всѣ благо-разумные люди смотрѣли съ чувствомъ презрительнаго состраданія къ его помѣшательству и подозрительнаго отвращенія къ его „дурнымъ правиламъ“.

И я не скажу, что его родные и свѣтскіе знакомые были не правы. Безразсудство, дикое безразсудство — иначе нельзя было назвать того, что онъ сочинилъ надъ собою. Я полюбилъ его, потому что это безразсудство происходило изъ благородныхъ мотивовъ; я уважалъ его, потому что видѣлъ въ немъ и твердость воли, и силу ума, и возвышенность стремленій; но — во все таки я смотрѣлъ на него съ соболѣзнованіемъ, какъ на человѣка экальтивированнаго до нелѣпости, нелѣпости гибельной ему и бесплодной.

Только ли ему гибельной, только ли бесплодной? — Нѣтъ, я долженъ былъ соглашаться, когда Илья Никитичъ предсказывалъ ему, что онъ, съ своими благородными мыслями, чистыми намѣреніями, великолѣпными усиліями, будетъ дѣлать путаницу, вредную и для другихъ, — потому что въ обществѣ человѣкъ не можетъ губить себя одиноко, — губя себя, онъ вовлекаетъ въ гибель и другихъ. Люди въ обществѣ стоятъ такъ близко другъ къ другу, что никто не можетъ наносить себѣ ранъ, не задѣвая своимъ кинжаломъ и другихъ; Илья Никитичъ говорилъ ему это серьезно и сурово, съ досадою любви, потому что тоже любилъ его; я весело и шутливо, съ обыкновеннымъ своимъ балагурствомъ. Онъ принималъ и упреки Ильи Никитича и мои шутки съ одинаково снисходительною, спокойною, грустною улыбкой, очень живо высказывавшею намъ его мнѣніе о нашихъ мысляхъ и о людяхъ, имѣющихъ такія мысли, — эта тихая, грустная улыбка была еще яснѣе его словъ, а и слова его были достаточно ясны: „Я смѣшонъ вамъ, говорилъ онъ, но почему знать, — быть можетъ, вы жалки мнѣ, — болѣе, чѣмъ жалки. Въ васъ нѣтъ преданности истинѣ. Вы такъ же знаете ее, какъ я, — въ томъ же видѣ, — вы видите ее, но вы не любите ее; вы убѣждены въ ней, — но вы не хотите примѣнять ее къ жизни. Я хочу и буду дѣйствовать по убѣжденіямъ“.

*) Холодность, съ которою говорилъ онъ это, всего больше пугала насъ. Ясно было, что всѣ его дикія выходки представляются ему вещами совершенно обыкновенными,—что онъ дѣлалъ ихъ безъ всякаго колебанія и даже безъ особеннаго усилія, что его мономанія овладѣла всею его натурою, и онъ разсуждаетъ о ней, поступаетъ по ней такъ же инстинктивно, легко, машинально, какъ мы киваемъ головою при встрѣчѣ съ знакомыми, говоримъ „здравствуйте“ и „каково ваше здоровье“.—Не было никакого сомнѣнія, что онъ настроитъ много бѣдъ;—и не себѣ одному, потому что, какъ всѣ фанатики, онъ любилъ впутываться въ чужія дѣла,—не оставаться зрителемъ, а становиться совѣтникомъ, не оставаться совѣтникомъ, а становиться дѣйствующимъ лицомъ.

Само собою, что наши ожиданія не замедлили оправдаться; еще бы не оправдаться!

Прошло съ годъ—поменьше—послѣ того, какъ я познакомился съ Борисомъ Константинычемъ, мѣсяца три послѣ того, какъ онъ потерялъ Малую Азію. Эта рана уже зажила въ его душѣ; я ужъ не слышалъ отъ него стиховъ о пурпурномъ солнцѣ и лазурномъ морѣ съ глубокими вздохами.—Однажды, я зашелъ къ нему съ очень пріятнымъ извѣстіемъ, что отыскалась ему литературная работа: одинъ изъ моихъ знакомыхъ вздумалъ издать переводъ „Исторіи Греціи“ Грота; одну половину перевода онъ разсчитывалъ сдѣлать самъ,—спросилъ у меня, не имѣю ли я знающаго человѣка для перевода другой половины; я назвалъ Бориса Константиныча, мой знакомый поручилъ мнѣ переговорить съ нимъ.—„Къ досадѣ, я не могу взять эту работу“.—„Почему же?“—„Я предвижу въ моей жизни приближеніе катастрофы,—очень счастливой, но измѣняющей весь характеръ моей жизни“.—„Можно спросить, что такое?“ спросилъ я.—„Нѣтъ, это тайна“, отвѣчалъ онъ.

Недѣли черезъ полторы, двѣ, я засталъ Бориса Константиныча запечатывающимъ письмо.—„Въ этомъ письмѣ—катастрофа, на которую я намекалъ вамъ“, сказалъ онъ, опуская письмо въ карманъ пальто.—„Можно узнать, въ чемъ она состоитъ?“—„Еще нѣтъ. Завтра все будетъ рѣшено, и тогда будетъ видно всѣмъ“, прибавилъ онъ съ пафосомъ и торжественнымъ довольствомъ,—состояніе, котораго онъ никогда не обнаруживалъ прежде: видно было, что дѣло слишкомъ важно для него, если онъ не можетъ не дать высказаться нѣкоторому волненію.—Я сталъ говорить о дѣлѣ, по которому зашелъ, о переводѣ Грота, что еще съ недѣлю можно подождать отвѣта, чтобъ онъ подумалъ. Онъ слушалъ плохо; когда я всталъ, и онъ взялъ шляпу, — „пойдемъ вмѣстѣ“, — увидѣвъ вывѣску приѣма городской почты, сказалъ: „вотъ, я только сюда. До свиданья“, но пожимая мнѣ руку при прощаньи, опять поддался чувству и произнесъ: „Какъ счастливъ тотъ, кто встрѣтитъ и полюбитъ женщину съ высокою душою“.—„Конечно, счастливъ, шутя отвѣчалъ я, при двухъ условіяхъ: если онъ самъ человѣкъ съ высокою душою и если женщина съ высокою душою тоже полюбитъ его“.—„Это разумѣется само собою“, серьезно отвѣчалъ онъ.—„И еще третья

*) Помѣтка въ рукописи: 26 июля.

условіе, дополнилъ я: если у этихъ любящихся людей съ высокими душами есть деньги“.—Онъ улыбнулся съ снисходительнымъ состраданіемъ къ пошлости моихъ понятій; не отвѣчая на третье условіе, сказалъ „до свиданья“ и пошелъ въ лавочку отдавать катастрофу на городскую почту.

Ясно: возвышенная любовь съ безденежьемъ. Несчастливая! загубить онъ ея судьбу, подумалъ я: а вѣроятно, порядочная женщина.—И я покачалъ головою.

VI.

Лица, соучаствующія въ катастрофѣ.

Почти всѣ свѣтскіе знакомые Бориса Константиныча стали холодно смотрѣть на него, когда онъ устроилъ свою карьеру по своимъ воззрѣніямъ, и почти всѣ родные вознегодовали на него; а онъ, разумѣется, пересталъ бывать у презрѣвшихъ и вознегодовавшихъ. Но было одно семейство, занимавшее средину между родными и знакомыми, въ которомъ онъ не замѣчалъ ни пренебреженія, ни негодованія,—которое, напротивъ, принимало его съ полною привѣтливостію, съ уваженіемъ, какъ прежде.—Онъ привыкъ часто проводить вечера въ свѣтскомъ обществѣ. Теперь ему негдѣ было проводить такіе вечера, какъ только въ этомъ домѣ. Онъ сталъ частымъ гостемъ людей, съ которыми прежде не былъ близокъ.

Эти полу-родственники, полу-просто знакомые были вотъ въ какомъ родствѣ съ нимъ. Сестра Ильи Никитича, то есть двоюродная сестра Бориса Константиновича, была за полковникомъ Чекмазовымъ, который служилъ въ провинціи; а братъ полковника, Андрей Федоровичъ Чекмазовъ, тоже чело-вѣкъ женатый, служилъ въ одномъ изъ министерствъ. Жену Андрея Федорыча звали Серафима Антоновна. Они были люди молодые,—свадьба ихъ была года за два, за три передъ тѣмъ временемъ, о которомъ я говорю. Вотъ они то остались въ хорошихъ отношеніяхъ съ Борисомъ Константинычемъ, одни изъ родныхъ, если могли назваться родными. Въ строгомъ смыслѣ слова, конечно, не могли: братъ чело-вѣка, женатаго на двоюродной сестрѣ вашей—это уже не то, что по петербургски, а и по провинціальному чужой чело-вѣкъ вамъ. Но Борисъ Константинычъ и Андрей Федорычъ говорили другъ другу „ты“, по родственному, а Серафима Антоновна звала Бориса Константиныча кузеномъ.

То, что они остались дружны съ Борисомъ Константинычемъ, ужъ много говоритъ въ ихъ пользу. И точно, Андрей Федорычъ очень цѣнилъ Бориса Константиныча, потому что умѣлъ цѣнить всякаго, и умѣлъ видѣть, какую пользу можетъ извлечь изъ всякаго. Онъ былъ мастеръ хорошо держать себя съ людьми и служилъ очень хорошо. Ему не было еще 30 лѣтъ, онъ не имѣлъ ни блестящихъ способностей, ни особенной учености; но все таки былъ, а еще больше считался, однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей въ своемъ министерствѣ и очень дѣльнымъ составителемъ всихъ важныхъ бумагъ по своему министерству, особенно, ученыхъ, административныхъ и законодательныхъ записокъ и проектовъ. Репутація его была тѣмъ тверже, чѣмъ выше былъ

кругъ, судившій о немъ. Равные считали его только человѣкомъ, работающимъ усердно, быстро, складно, не дурно; непосредственные начальники—однимъ изъ лучшихъ работниковъ въ министерствѣ; а когда еще высшіе начальники говорили: „эту работу надобно поручить самому дѣльному человѣку; кому вы поручите“,—то у подчиненнаго начальника постоянно подвѣртывалась на мысль именно фамилія Чекмазова; такъ что самое высшее начальство знало его за самаго лучшаго изъ лучшихъ дѣльцевъ, которымъ онъ былъ только равенъ во мнѣніи людей, дававшихъ ему своими рекомендаціями первенство надъ другими. Это не было слѣдствіемъ пристрастія или интригъ: фамилія Чекмазова произносилась передъ высшимъ начальствомъ потому, что онъ былъ, если не даровитѣ всѣхъ, если не дѣльнѣ всѣхъ,—за то, благонадежнѣ всѣхъ; онъ не зарвется въ дѣло такъ, чтобъ отъ этого дѣло замедлилось,—онъ углубляется въ него лишь на столько, на сколько дозволяетъ срокъ, и всегда приготовить работу къ сроку; онъ не зарвется въ дѣло такъ, чтобы дѣло разстроилось отъ этого,—онъ въ запискѣ или проектѣ проведетъ, правда, свой взглядъ добросовѣстно, но лишь на столько, на сколько это требуется сущностью предположенной мѣры. Онъ отличный исполнитель, и только; другіе больше или меньше, самостоятельные работники,—онъ только исполнитель и если порученное ему дѣло никакъ не улучшится въ его рукахъ, за то оно идетъ въ его рукахъ совершенно такъ, какъ предположено повести его. Такихъ исполнителей было много для текущихъ, формальныхъ, машинальныхъ дѣлъ; но для дѣлъ важныхъ, онъ былъ одинъ,—онъ одинъ имѣлъ требуемую для нихъ обширность образованія. Онъ былъ единственный настоящій чиновникъ между учеными людьми, служившими въ министерствѣ, единственный ученый человѣкъ между настоящими чиновниками; потому онъ шелъ впередъ быстро, и его подвигали впередъ не по личнымъ пристрастіямъ, а потому, что онъ дѣйствительно былъ пригоднѣ всѣхъ. Тогда онъ ждалъ себѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника,—теперь ужъ получилъ и безъ сомнѣнія поднимется по должностямъ довольно высоко,—выше сослуживцевъ болѣе его даровитыхъ; и нельзя сказать, что онъ обгоняетъ ихъ не по достоинству.—Есть люди, которые умѣютъ распоряжаться своими способностями съ искусствомъ, съ какимъ отличный хозяинъ небольшого помѣстья распоряжается своимъ помѣстьемъ: средства не велики, но ничто у него не лежитъ даромъ, ничто не тратится на излишнія затѣи, ничто не пропадаетъ—и смотришь, онъ получаетъ съ своего помѣстья больше дохода, чѣмъ другой съ помѣстья вдвое, втрое большаго.

*) Какъ умѣлъ онъ пользоваться своими способностями, такъ онъ пользовался и всѣмъ, и всѣми, между прочимъ и знакомствами и знакомыми. Онъ любилъ заводить знакомства, поддерживать ихъ, не манкировалъ ни передъ однимъ знакомымъ, и въ каждомъ умѣлъ найти что нибудь пригодное для себя.—Такъ, онъ умѣлъ найти полезную для себя сторону и въ Борисѣ Константинычѣ, изъ котораго, казалось бы, нельзя извлечь никакой служебной пользы. Служебное значеніе Андрея Федорыча основывалось на томъ, что онъ человѣкъ умный и ученый,—такихъ исполнительныхъ чиновниковъ, какъ онъ, очень много; но между ними въ его вѣдомствѣ нѣтъ никого, кромѣ него, имѣю-

*) Помѣтка въ рукописи; 16 апрѣля.

щаго репутацію человѣка, стоящаго въ уровень съ современными учеными понятіями, а это очень хорошая вещь, и въ ней—основаніе необходимости, основаніе успѣховъ Андрея Федорыча. Чтобы поддерживать это свое значеніе, онъ старался держаться въ кругу ученыхъ и умныхъ людей. Онъ бывалъ у очень многихъ изъ нихъ. И у него бывали нѣкоторые профессора, кое какіе литераторы, кое какіе артисты; это много помогало его карьерѣ. А Борисъ Константинычъ былъ очень пригоденъ, чтобы составлять компанію имъ, даже служить нѣкоторою приманкою для нихъ. Онъ былъ въ этомъ отношеніи для Андрея Федорыча то же, что хорошій поваръ для человѣка, основывающаго свою карьеру на гастрономическихъ наклонностяхъ людей. При Борисѣ Константинычѣ не могло быть ни пробѣловъ, ни вялости въ серьезномъ разговорѣ; его рѣзкіе парадоксы и давали темы для ученыхъ бесѣдъ и оживляли ихъ.—„Что вы никогда не заглянете къ Чекмазовымъ? вѣдь онъ же бываетъ у васъ“, говорилъ, случалось, одинъ умный человѣкъ другому.—„Скучновато у него, я полагаю. Кто тамъ бываетъ?“—„Ну, разные. Алферьевъ бываетъ.“—„Ну, этотъ хорошъ. То есть, Илья.“—„Нѣтъ, Илья рѣдко; есть другой, Борисъ“.—„А, видаль и этого. Значить, ничего. Заѣду какъ нибудь“.

Борисъ Константинычъ сталъ очень хорошимъ краугольнымъ камнемъ кабинета ученыхъ и литературныхъ экземпляровъ коллекціи Андрея Федорыча. Но камень этотъ имѣлъ наклонность играть роль не въ одной геогнози, минералогіи и другихъ ученыхъ собраніяхъ,—ему нравилось быть и въ обществѣ ювелирныхъ вещей,—по просту говоря, онъ, просидѣвъ полчаса, часть въ ученой бесѣдѣ Андрея Федорыча, уходилъ въ гостиную къ дамамъ, разсуждать о браслетахъ, брошкахъ съ неменьшею основательностью, чѣмъ объ Эрратическихъ камняхъ, по поводу которыхъ называлъ Агассиса шарлатаномъ и истреблялъ его теорію ледниковъ за то, что онъ пишетъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ духѣ плантаторовъ; въ кабинетѣ оставалась тема: „какъ? Агассисъ шарлатанъ? Какъ, будто вся его ученая репутація создалась заимствованіемъ первыхъ юношескихъ трудовъ Карла Фохта. Будто Фохтъ такой первоклассный ученый“. Такихъ темъ Борисъ Константинычъ успѣвалъ задать десятокъ въ одинъ часъ, такъ что хватало до закуски. Были всякія темы, по вкусу всякому: и литературныя, и историческія, и юридическія. Конечно, было бы еще лучше, если бы Борисъ Константинычъ оставался въ кабинетѣ весь вечеръ; но Андрей Федорычъ, какъ человѣкъ умный, зналъ, что нельзя же требовать отъ другого, чтобъ онъ только служилъ намъ,—надобно поступать такъ осторожно, чтобъ онъ и не замѣчалъ, что служить намъ, и поэтому Андрей Федорычъ не мѣшалъ Борису Константинычу отдаваться его стремленію въ гостиную, къ дамамъ. Необходимость этого вознагражденія за трудъ Андрей Федорычъ понималъ тѣмъ осязательнѣе, что и самъ еще недавно увлекался.

Конечно, увлекался, и до того, что сдѣлалъ огромную ошибку: рано женился, когда карьера только начиналась, когда былъ еще очень далекъ отъ близкаго теперь генеральства,—потому женился на дѣвушкѣ, не имѣвшей такого родства, въ какое могъ бы вступить онъ, если бы выбирать невѣсту теперь. Но,—человѣкъ умный, Андрей Федорычъ зналъ мѣру и сожалѣнію объ ошибкѣ. Она была неисправима; слѣдовательно, нечего и раздумывать о ней. Андрей Федорычъ совершенно примирился съ тою мыслью, что жена его—

не болѣе, какъ Серафима Антоновна. И неосновательно было бы не примириться: недостатокъ важнаго родства, — конечно, недостатокъ, невознаградимый ничѣмъ; но насколько онъ можетъ вознаграждаться, онъ вознаграждался. Начать съ того, что Серафима Антоновна была женщина, на которую засматривались многіе, но такъ какъ ужь впередъ ожидается, что именно она-то и есть „катастрофа“, занимающая собою Бориса Константиныча, то лучше всего и познакомиться съ нею изъ отношеній между нею и Борисомъ Константинычемъ.

VII.

Борисъ Константинычъ сочиняетъ „катастрофу“.

Прежде, когда Борисъ Константинычъ бывалъ во многихъ свѣтскихъ домахъ, Серафимъ Антоновнѣ доставалось мало вечеровъ проводить съ нимъ, и онъ не занимался ею. Теперь, когда исчезли другія знакомства, когда онъ сталъ бывать у Чекмазовыхъ чаще и чаще, онъ скоро сдѣлался другомъ Серафимы Антоновны, и вотъ дружба, какъ и водится, перешла въ любовь.

Когда бумаги Бориса Константиныча перешли на сохраненіе къ Ильѣ Никитичу, Илья Никитичъ отдалъ ихъ мнѣ. Я нашелъ между ними нѣсколько тетрадокъ дневника. Борисъ Константинычъ начиналъ вести дневникъ раза три, — когда жизнь его бывала особенно занимательна для него. Первые листы второй серіи дневника заключаютъ въ себѣ исторію его любви къ Серафимѣ Антоновнѣ. Беру изъ нихъ нѣсколько отрывковъ. Вотъ самое начало:

„Я обращалъ слишкомъ мало вниманія на свою кузину С. Она женщина замѣчательнаго характера. Я убѣдился въ этомъ нынѣ. Я увидѣлъ у нихъ незнакомую даму, молодую, дурную собою, сухопарую, высокую, и спросилъ у Лизы, кто она. Лиза отвѣчала: „Линденфельсъ, институтская подруга сестры“. — „Почему жь я не видѣлъ ея прежде у кузины?“ — „Прежде онѣ съ сестрою не бывали другъ у друга; теперь возобновили знакомство“. — „Почему жь онѣ не бывали другъ у друга три года? И почему теперь возобновили знакомство?“ — „Я не знаю; какая нибудь случайность“, сказала Лиза и перемѣнила разговоръ. Мнѣ показалось, что она знаетъ, но не считаетъ себя вправѣ сказать, и это заинтересовало меня. Я пошелъ къ Андрею Федорычу и спросилъ, кто такая Линденфельсъ. — „А ты не слышалъ? сказалъ онъ: романтическая исторія, надѣлавшая шума мѣсяць тому назадъ“. Я ничего не слышалъ: какъ страшно я отсталъ отъ свѣта! — „Нѣтъ, я не слышалъ; что такое?“ — „Влюбилась въ негодяя, который, подкутивши у Луи, сталъ хвастаться связью съ нею, надѣлавъ другихъ подлостей, — конечно, все отвернулись отъ нея. Серафимѣ стало жаль ея, и она, какъ видишь, захотѣла сдѣлать, что можетъ, чтобы развлечь и утѣшить ее. Мнѣ, признаюсь, это не совсѣмъ нравится; но ты знаешь мое правило: жена не ребенокъ, ее нельзя водить на помочахъ. Да я и самъ, ты знаешь, защитникъ эмансипаціи женщинъ. Я говорилъ Серафимѣ; но она отвѣчала, что считаетъ это своею обязанностью; я не сталъ противорѣчить. Конечно, это даже и благородно, если хочешь“.

*) „Еще бы не благородно.—Осель!

„Почти весь вечер я просидѣлъ съ дамами, по обыкновенію. Баронесса Линденфельсъ мнѣ не понравилась, не смотря на свое несчастье: при голубыхъ лентахъ на платьѣ, зеленныя перчатки. Я простилъ бы это купчихѣ, провинціалкѣ; тамъ это еще ничего не доказываетъ, кромѣ недостатка возможности къ развитію вкуса; откройте эту возможность и — смотрите, что выйдетъ; раньше не судите. Но свѣтская дама—если она не понимаетъ, что одѣвается безъ вкуса, это значить она лишена смысла.—Лизюю я тоже не совсѣмъ доволенъ: у ней есть вкусъ, даже очень тонкій; но она слишкомъ мало пользуется имъ. За то, ея сестра хорошо пользуется моими совѣтами: она была нынѣ одѣта какъ нельзя проще, но очень изящно.

(Дня черезъ четыре). Я опять встрѣтилъ у Ч. Линденфельсъ. „Я не могъ бы такъ долго и часто сидѣть съ этою госпожею“, сказалъ я кузинѣ С., „какъ вамъ не скучно съ нею?“—„Почему вы знаете, что мнѣ съ нею не скучно? Но“...—„Договаривайте же, кузина“.—„Мнѣ нечего договаривать“, сказала она.

(На другой день). Мы ѣздили съ кузиной С. въ магазинъ, какъ вчера условились. Нашъ разговоръ шелъ о туалетѣ. Но вдругъ она сказала: „У васъ грубое сердце, Борисъ“,—сказала это будто шутя, будто не давая значенія этимъ словамъ, — будто они служили только острою, отвѣчавшею на мое замѣчаніе, что въ Петербургѣ меньше красивыхъ лицъ, нежели гдѣ нибудь. Но я понималъ, къ чему это относилось.—„Вы напоминаете мнѣ о Линденфельсъ, кузина?“—Кажется, ей было непріятно, что я угадалъ. Но она сдѣлала надъ собою усиліе и сказала: „Неужели, Борисъ, непростительно поскучать, для того, чтобы поддержать и утѣшить?“—Не непростительно, кузина, а, напротивъ, прекрасно. Но слишкомъ добродѣтельно. А вы знаете, я не люблю добродѣтели. Если бъ тутъ было хоть небольшое самолюбіе, кузина, все таки было бы лучше. Но чистая добродѣтель—это такъ скучно“.—„Почему жъ знать, что тутъ нѣтъ самолюбія? Вы такой скептикъ, Борисъ, что можете открыть его. Она все таки баронесса Линденфельсъ, а я не больше, какъ Чекамазова. Эта исторія забудется, Линденфельсъ опять будетъ въ обществѣ, которое выше моего, недоступно мнѣ,—можетъ быть, у меня есть расчетъ на это“.—„Вы приказываете мнѣ такъ думать?“—„Да“.—„Извиняю вашу добродѣтель“.—„По крайней мѣрѣ, не находите ничего особеннаго въ томъ, что обязана была бы дѣлать на моемъ мѣстѣ каждая женщина“.

„Каждая“! То и жаль, что слишкомъ не каждая. Но тѣмъ лучше та, которая даже не знаетъ, что она дѣлаетъ то, что сдѣлала бы не каждая.

(Черезъ нѣсколько дней). „Мнѣ не совсѣмъ правится самовѣренность Лизы. „Милый кузень, я сама знаю, что мнѣ къ лицу. Жаль, что мое лицо не такъ красиво. Но этому не могутъ пособить ваши совѣты“.—Сестра гораздо умнѣе ея и выѣзжаетъ въ свѣтъ не вторую зиму, а пятую; однако, находитъ пользу въ моихъ совѣтахъ.

(Черезъ два дня)... Послѣ, у насъ былъ опять такой разговоръ съ Лизюю, какъ третьяго дня. Но я уже слишкомъ порицалъ ее за то, что она

*) Помѣтка въ рукописи: 17 апрѣля.

пренебрегаетъ искусствомъ одѣваться,—чуть не довелъ до слезъ. Нѣтъ, это несправедливо. Если она, быть можетъ, очень серьезна, это не мѣшаетъ ей оставаться дѣвучкою и любить наряды, безъ любви къ которымъ женщина— не женщина, да и мужчина—пень, а не мужчина. Я показаль бы одного своего знакомаго тѣмъ, которые вооружаются противъ заботы объ изяществѣ въ мужчинѣ“.

(Черезъ пять дней). Когда я вошелъ, кузина С. быстро встала и ушла. Черезъ полчаса она возвратилась и ей случилось взять меня за руку. Я удивился: „Кузина, отчего у васъ такая холодная рука?“—„Это ничего, я умывалась“.—„Вы умывались?“—„Да, чтобъ освѣжить лицо“.—Я посмотрѣлъ внимательно на ея лицо. Она сконфузилась.—„Кузина, вы хотѣли скрыть, что вы плакали? Но слѣды остались“.—„Слѣды остались? Я плакала? Но вы съ ума сошли, Борисъ. Мы такъ счастливы съ Андрѣ“.

Меня нельзя обмануть. Да и можетъ ли Андрей Федорычъ составить счастье такой женщины. Она много, много выше его. Онъ пошлъ. Она должна чувствовать это.

Черезъ часъ, я сидѣлъ у него. Онъ былъ не въ духѣ, и какъ то вовсе не кстати сказалъ пошлость о женщинахъ и женахъ: „это игрушки, на которыя приятно смотрѣть, но съ которыми неприятно жить. Я совершенно раздѣляю мнѣнiе коммунистовъ, отвергающихъ бракъ. Жениться—это глупость“.—Пошлякъ, неизлечимый пошлякъ! И хорошее понятiе имѣеть о „коммунистахъ, отвергающихъ бракъ“. Тебѣ, глупое животное, и понимать, что такое коммунизмъ и что говорятъ коммунисты. Они говорятъ, что ты осель и варваръ—вотъ, что они говорятъ.

„Борисъ, забудьте то, что я вчера говорила вамъ. Забудьте, забудьте, умоляю васъ. С.“

VIII.

Мужъ и жена. (Продолженiе о лицахъ, соучаствующихъ въ катастрофѣ).

Эта записка, вложенная между листами дневника, еще не имѣла на самомъ дѣлѣ такого эротическаго характера, какой можно бы предполагать по ея восклицательному слогу. Да и все дѣло, когда была получена эта записка Борисомъ Константинычемъ отъ Чекмазовой, еще не имѣло такого трагическаго положенiя, въ какое было тотчасъ же послѣ того поставлено рѣшительностью Бориса Константиныча. Онъ вообще былъ расположенъ утратить людей и вещи, потому напрасно вообразилъ Андрей Федорычъ и глупымъ животнымъ, и осломъ, и варваромъ. Андрей Федорычъ не генiй, не герой,—его натура вовсе не привлекательная, потому что онъ ужъ слишкомъ разсчитливъ, благоразуменъ, примазанъ и прилизанъ. Но онъ не только не чудовище, онъ даже миловиденъ: маленькаго роста, худенькiй, хиленькiй, тоненькiй, но стройненькiй, съ тонкими, но правильными чертами лица, моложаваго не по чину,—что составляетъ его отчаянiе, такъ что въ послѣднее время онъ сталъ нарочно стараться хоть обрюзгнуть, если не удастся потолстѣть, чтобы не казаться моложе своихъ лѣтъ; онъ человѣкъ и не злой, и не безчестный, только не-

множко лиса; но у него и въ мягкомъ очеркѣ губъ и въ голубыхъ глазахъ написана неподдѣльная мягкость характера, готовность быть и добрымъ и милымъ. Нѣсколько тривиаленъ, правда; но это ужъ самая худшая черта и его характера и его фізіономіи.

Серафима Антоновна тоже не богиня Олимпа, какъ вообразилъ ее Борисъ Константинычъ. Она и не красавица, какою слѣдовало бы ей быть, еслибъ она была богиня Олимпа. Правда, она высокаго роста, у ней стройная, длинная талья,—густые темнорусые волосы, большіе томные голубые глаза, она производитъ нѣкоторый эффектъ, когда бываетъ въ обществѣ,—но такой эффектъ, какой производитъ цѣлая половина молодыхъ женщинъ, занимающихся собой,—никакъ не больше: какая она красавица!—далеко нѣтъ! Впрочемъ, многіе находятъ, что она не дурна, но только многіе, далеко не всѣ. Однако, въ дневникѣ Бориса Константиныча рѣчь идетъ не о ея красотѣ,—красота подразумѣвается,—Борисъ Константинычъ плѣнился возвышенностью ея души, которая начала открываться ему съ появленія баронессы въ гостиной Серафимы Антоновны.

*) — Андре, говорила Серафима Антоновна мужу: не сердись, но я должна просить у тебя денегъ.

— Опять, Серафима. Не совѣстно ли тебѣ?—Ты рѣшительно доведешь меня до того, что я долженъ буду ѣхать въ провинцію на доходное мѣсто, и для денегъ разстроить свою карьеру. Въ провинціи можно нажитья, но нельзя идти впередъ по службѣ. Да и тебѣ самой пріятно ли будетъ обратиться въ провинціальную барыню, хоть бы и первую даму въ городѣ? Подумай, будь разсудительна. Черезъ пять, много десять лѣтъ, мы и здѣсь будемъ жить богато. Но до тѣхъ поръ повремени. Я не позволю вамъ, сударыня, разстроить мою карьеру. Извольте жить скромнѣе. Къ Рождеству Пономаревъ опять подастъ мнѣ счетъ въ 500 р. за ваши тряпки, какъ подалъ къ Пасхѣ. Я этого не хочу.

— Андре, ты опять все объ этомъ; и такимъ жестокимъ тономъ будто я мотовка. И даже не спросилъ, сколько денегъ я прошу у тебя, такъ немного, мой другъ: всего 20 рублей на ложу въ оперѣ, и для чего, еслибъ ты зналъ, ты не сталъ бы порицать меня.

— 20 рублей на ложу въ оперѣ? Слишкомъ низко хотите спуститься, сударыня. Еще ноги служатъ, можете подняться и въ 10 рублевый ярусъ; а то не угодно ли въ кресла, въ 15-тый рядъ. Это будетъ намъ съ вами стоить всего 4 рубля.

— Фи, Андре, какія вещи ты говоришь! Неужели ты не помнишь до сихъ поръ, что въ креслахъ бываютъ только мѣщанки и чиповницы. Что ты сказалъ это мнѣ, такъ и быть,—но, пожалуйста, не скажи этого при комъ нибудь другомъ, особенно при дамахъ: ты скомпрометируешь и себя и меня. И опять смягчивъ голосъ, но уже сохраняя въ немъ чувство достоинства, котораго не было слышно въ первыхъ ея словахъ, звучавшихъ только нѣжною просьбою, Серафима Антоновна продолжала: И повѣрь мнѣ, мой другъ, я бережлива. Для того только, чтобы быть въ оперѣ, я не бросила

*) Помѣтка въ рукописи: 23 мая.

бы не только 20 рублей, и 2 рублей. Но ты спроси, Андре,—голосъ ея переходилъ въ назиданіе,—зачѣмъ мнѣ нужна ложа? Ты очень много наговорилъ, а этого не спросилъ. Я пригласила баронессу Линденфельсъ ѣхать съ нами. Вотъ затѣмъ пужна мнѣ ложа въ 20 рублей.

— Линденфельсъ? Ты успѣла познакомиться съ Линденфельсъ? спросилъ мужъ голосомъ такимъ же серьезнымъ, какъ прежде, но уже совершенно другого тембра:—какъ тебѣ удалось это?

— Вотъ, Андре, ты все бранишь меня за тряпки, какъ ты называешь, отвѣчала Серафима Антоновна тономъ уже полного назиданія. Я встрѣтила Линденфельсъ у Вихманъ. А ты еще ворчалъ, когда я сказала поутру, что ѣду къ Вихманъ.

— Ну, оставь это Серафима, сказалъ Андре, уже просто семейнымъ голосомъ, какимъ говорятъ хорошіе между собою мужья и жены о дѣлахъ, по которымъ совершенно сходятся мыслями.—Ну, ты встрѣтила ее у Вихманъ. Какъ же вы познакомились?

— Очень просто. Она не узнала меня; а я сначала показала видъ, будто не узнала ее, потомъ вдругъ вскрикнула и бросилась къ ней: „неужели это ты, Антуанетта? Сколько лѣтъ не видѣлись“.

— Однакожь, это было рисковано съ твоей стороны. Она могла сдѣлать скандалъ, отсторониться отъ твоихъ объятій.

— Ахъ, Андре, какъ же вы, мужчины, несообразительны. Невозможно было бы не разсчитать, что теперь она будетъ рада знакомству съ кѣмъ бы то ни было изъ женщинъ, принадлежащихъ къ какому бы то ни было обществу. Понимаешь ли ты это?

— Умница, Серафима! сказалъ Андрей Федорычъ и поцаловалъ руку жены.

— Нѣтъ, мой другъ, это не заслуживаетъ особеннаго удивленія, скромно и просто сказала Серафима Антоновна, мило поправивъ ласковою рукою волосы мужа,—нѣсколько жиденькіе, это правда, не такіе густые, какъ ея, но все же недурные свѣтлые волосы.—Удача въ томъ, что я встрѣтила ее въ такое время, когда она еще безусловно исключена изъ своего круга, и когда она ужъ успѣла почувствовать тягость исключенія изъ общества;—итакъ, завтра мы ѣдемъ съ нею въ оперу,—понятно, что съ нею нельзя ѣхать въ 3-й ярусъ! пополнила Серафима Антоновна съ лукавою улыбкою жены, имѣющей право на признательность мужа и искренно радующейся, что и она не бесполезная тунеядка;—на слѣдующей недѣлѣ мы вмѣстѣ ѣдемъ на балъ въ Дворянское Собраніе,—какъ кстати подошелъ этотъ балъ.—Ты долженъ танцевать съ нею, я найду другихъ кавалеровъ.

— Умница, Серафима, повторилъ Андрей Федорычъ, и обнялъ жену, мило подставившую ему свои губки, которыя очень многимъ казались недурными, и дѣйствительно были розовыя, полненькія. Началась очень милая сцена.

Да, Серафима Антоновна была неглупа: кокетничая съ Борисомъ Константиновичемъ, она сама указала настоящее объясненіе дѣла, какъ только замѣтила, что одна добродѣтель не объясняетъ его—„не угодно ли вамъ подумать обо мнѣ вотъ что“—и этимъ отвратила всякую возможность, чтобы

чудацькь предположилъ тутъ что нибудь, кромѣ чистѣйшей добродѣтели. Точно: пріобрѣтеніе дружбы баронессы Линденфельсъ было важно: пройдетъ годъ, баронъ помирится съ женою, общество свинетъ анафему съ нея, въ ея салонѣ опять явятся графини, и найдутъ въ этомъ салонѣ Серафиму Антоновну и Андрея Федорыча Чекмазовыхъ; чему это равняется? Это равняется тому, какъ если бы вдругъ оказалось, что дядя Серафимы Антоновны не уѣздный засѣдатель мелкопомѣстной губерніи, а Симбирскій или Пензенскій губернскій предводитель, или что Андрей Федорычъ не Андрей Федорычъ, а помолодѣвшій и поступившій въ русскую службу съ переименованіемъ изъ conseiller d'Etat въ статскіе совѣтники Барошъ, или Бильйо, то есть патентованный администраторъ съ прописаніемъ на лбу " другого такого свѣтъ не производилъ ".

*) Само собою, я не видѣлъ сцену между Серафимою Антоновною и Андреемъ Федорычемъ, и они оба не такъ глупы, чтобы рассказывать ее другимъ;—я воспроизвожу ее наугадъ, но не совсѣмъ наудачу: я видѣлъ двѣ очень похожія сцены между ними по поводу просьбы денегъ Серафимою Антоновною у Андрея Федорыча; обѣ онѣ и начались и кончились совершенно такъ, насколько можно было имъ идти въ концѣ далѣе супружескихъ поцелуевъ при постороннемъ и не близкомъ человѣкѣ, то есть, очень мало дальше простого милаго поцалуйа. Но все таки, видно было, что между супругами существуютъ очень милыя отношенія.

Итакъ, обстановку объясненія я присочиняю по характеру другихъ такихъ сценъ между ними, видѣнныхъ мною около того времени. А содержаніе объясненія знаю изъ очень ясныхъ отраженій его не только въ ихъ поступкахъ,—это бы еще ничего,—а даже и въ словахъ.

Вотъ какъ началась дружба Серафимы Антоновны съ баронессою Линденфельсъ, послужившая для Бориса Константиныча первымъ основаніемъ заинтересоваться Серафимою Антоновною, предположить въ ней женщину съ очень возвышенными чувствами, потомъ открыть, что она несчастна съ мужемъ, потомъ и влюбиться въ нее. Ужь изъ этого одного ясно, что Борисъ Константинычъ фантазировалъ на тему, которую придумалъ самъ, что онъ сочинилъ себѣ свою собственную Серафиму Антоновну, на которую вовсе не походила настоящая Серафима Антоновна. А горячій (хоть бы и холодный) человѣкъ, въ родѣ Бориса Константиныча, ужъ пожалуй сочинилъ бы еще новую Серафиму Антоновну, тоже вовсе не похожую на настоящую, только уже въ другую сторону, — Серафиму Антоновну пустую женщину, проныру, притворщицу, дрянную женщину. Это будетъ несправедливость къ настоящей Серафимѣ Антоновнѣ.

Точно, въ Серафимѣ Антоновнѣ было и пронырство, и притворство, и очень много пошлаго, и много дряннаго,—но что жъ такое? Изъ этого еще не слѣдуетъ, что она была дрянная женщина, или хоть вовсе пустая женщина. Она была — просто такая же дама, какъ большая часть нашихъ дамъ,—нѣсколько похуже нѣкоторыхъ, нѣсколько лучше нѣкоторыхъ изъ этого большинства. Тратить лишнія деньги на наряды, хитро воспользоваться слу-

*) Помѣтка въ рукописи: 24 мая.

чаемъ, чтобы втереться въ кругъ повыше нашего настоящаго круга — что тутъ особеннаго?

Теперь почти не было бы надобности говорить, въ чемъ состояла та сцена между Серафимою Антоновною и мужемъ, когда Борисъ Константинычъ замѣтилъ слѣды слезъ на ея глазахъ. Но Илья Никитичъ былъ свидѣтелемъ этой сцены, такъ почему жь не пересказать ее, когда есть такой вѣрный источникъ?—Серафима Антоновна купила бархатный бурнусъ, или что то въ этомъ родѣ, бархатное,—Илья Никитичъ сказывалъ, что именно, по я сбиваюсь въ дамскихъ нарядахъ,—итакъ, что то бархатное, стоившее 85 рублей, а мужъ разрѣшилъ ей израсходовать 50 рублей, и никакъ не болѣе 60.—Выдавъ 55 рублей (бѣленькую и три красненькихъ) съ этимъ разрѣшеніемъ, онъ отправился на службу, проработалъ на дому у очень важнаго начальника надъ очень важною запискою до 5 часовъ, возвратился домой измученный работою, въ самомъ дѣлѣ усердною, а въ особенности раздраженный — не столько обиженный, сколько встревоженный за свои серьезныя отношенія къ начальнику тѣмъ, что начальникъ не пригласилъ его остаться обѣдать; былъ дома за обѣдомъ сильно не въ духѣ, придирался къ тому, что супъ дурень, пирожное пахнетъ мыломъ, а послѣ обѣда потребовалъ отчета о покупкѣ, уже предполагая передержку;—натурально, что при такомъ расположеніи духа съ нѣкоторою ломотою въ плечахъ и поясницѣ отъ утра, дѣло не могло обойтись безъ сцены, за которую однако жь не надобно винить никого: начальникъ не пригласилъ обѣдать потому, что у него въ тотъ день былъ обѣдъ интимный, секретнаго дѣловаго свойства, такъ что второстепеннымъ людямъ не слѣдовало тутъ быть,—итакъ неприглашеніе Андрея Федорыча вовсе не было нелюбезностью съ его стороны къ Андрею Федорычу, и черезъ недѣлю, когда Андрею Федорычу опять привелось работать у него, онъ пригласилъ Андрея Федорыча обѣдать самымъ любезнымъ образомъ, и изгладилъ всѣ сомнѣнія Андрея Федорыча простымъ, милымъ обращеніемъ своимъ за обѣдомъ. Итакъ, начальникъ вовсе не былъ виноватъ передъ Андреемъ Федорычемъ; Андрей Федорычъ точно также вовсе не былъ виноватъ передъ женою, что выместилъ на ней досаду;—въ семейной жизни не всякое лыко въ строку, и эти неудачные лыки очень скоро—въ концѣ того же вечера—распрямяются: „Какъ измучился я нынѣ днемъ, Серафима, да и вотъ еще какая была непріятность“, — скажетъ мужъ, въ видѣ приступа, во время отдыха въ дезабилье. — „Но за то ты долженъ, Андре, дать мнѣ 50 р., потому что я должна сдѣлать себѣ платье голубаго дамá; оно стоитъ дороже, но остальные деньги я съэкономничала и нужно только 50 р., и я тебя прощаю“, — скажетъ всякая умная жена, — и непріятность забыта. Что дамá въ подобныхъ случаяхъ всего приличнѣе голубаго цвѣта, я заключаю изъ того, что именно голубаго цвѣта было платью дамá, явившееся черезъ нѣсколько дней у Серафимы Антоновны, которая, по свидѣтельству самого Бориса Константиныча, отличается тонкимъ пониманіемъ того, какой цвѣтъ къ чему идетъ; но можно замѣнять голубой цвѣтъ и другимъ, по вкусу или какъ лучше идетъ къ другому лицу. — Вотъ какою милою развязкою кончаются сцены у умныхъ мужей и женъ. Для умной жены это даже—пріятно: итакъ нѣтъ большой

вины передъ женою на Андрей Федорычъ. Нельзя осуждать и Серафиму Антонову за передержку, которая была причиною сцены: молодой женщицѣ трудно удержаться отъ передержки противъ штата на наряды, когда она думаетъ—и можетъ быть справедливо—что у ея мужа больше денегъ, нежели онъ говорить ей. И опять, нельзя винить мужа, если онъ скрываетъ отъ жены часть своихъ доходовъ, потому что скажи онъ: „мы можемъ расходовать 5 тысячъ“ — окажется израсходовано 7 тысячъ; слѣдовательно, чтобы прожилось 5 тысячъ, мужъ долженъ говорить женѣ: „мы не можемъ проживать болѣе 3 съ половиною тысячъ“. — И опять тоже нельзя винить жену, что она слѣдуетъ своему соображенію, а не словамъ мужа о его доходахъ, когда знаетъ, что мужъ себѣ на умѣ. Онъ себѣ на умѣ и она себѣ на умѣ. И опять, кого же можно винить за то, что онъ или она себѣ на умѣ? Неужели жить безъ ума? — Такъ жилъ Борисъ Константинычъ и что хорошаго вышло изъ этого — отчасти мы видѣли, а дальше увидимъ больше.—Словомъ, какъ ни раскидывай умомъ, ничего особеннаго нельзя открыть дурнаго въ дѣйствительныхъ качествахъ и отношеніяхъ Андрея Федорыча и Серафимы Антоновны, а видно въ нихъ много хорошаго.

Коротко и ясно, Андрей Федорычъ и Серафима Антоновна были счастливы другъ съ другомъ, жили отлично и превосходно, когда Борису Константинычу заблагоразсудилось начать сочинять съ Серафимою Антоновною свою катастрофу. Изъ всего, что мы до сихъ поръ знаемъ, даже по его утрирующему дневнику до отправленія записки восклицательнаго характера къ Борису Константинычу, Серафима Антоновна не входила съ нимъ ни въ какія отношенія, изъ которыхъ слѣдовало бы сочинять катастрофу. Она кокетничала съ нимъ; она всегда была не прочь пококетничать,—почему жъ было не пококетничать и съ Борисомъ Константинычемъ, когда онъ подвернулся подъ руку? — Правда, онъ не былъ хорошъ собою; но за то у него были превосходныя манеры, онъ удивительно говорил по-французски, вообще, былъ очень *distingué*. Да хоть бы и не былъ, такъ что жъ такое?—все-таки, онъ молодой человѣкъ, слѣдовательно, нельзя не пококетничать съ нимъ. Каждый молодой человѣкъ знаетъ, что глупо принимать невинное кокетничаніе въ серьезную сторону и развивать изъ него „катастрофу“;—все равно, какъ всякая молодая дѣвушка знаетъ, что нельзя вѣрить комплинтамъ любезничающей молодежи.—Однако же, около Серафимы Антоновны было трое, четверо молодыхъ людей, съ которыми она кокетничала до своего знакомства съ баронессою Линденфельсъ, и она не обращала особенныхъ усилій на Бориса Константиныча: правда, онъ былъ очень *distingué*, но въ ея глазахъ и тѣ трое, четверо другіе были тоже очень *distingués*, что жъ особенно заниматься имъ?—Но баронесса дала ему рѣшительный перевѣсъ въ ея мысляхъ надъ другими *distingués*, объявивъ, что онъ имѣетъ манеры самаго избраннаго общества, могъ бы съ успѣхомъ быть *attaché* при посольствѣ, и говорить по французски, какъ Александръ Дюма (*père* или *фils*, неизвѣстно). Правда, баронесса была набитая дура, и Серафима Антоновна признавала за нею это качество; правда манеры самой баронессы были плоховаты, но вотъ, что жъ вы прикажете дѣлать: случилось же ей, менѣе умной, замѣтить въ Борисѣ Кон-

стантинычѣ превосходство надъ другими, или это оттого, что она все таки больше видѣла людей высшаго изящества, чѣмъ Серафима Антоновна?—но если она могла цѣнить изящество, какъ же она сама оставалась плоховата и пошловата?—вѣроятно, что она брякнула наудачу, и случайно въ этотъ разъ попала на правду; но какъ бы тамъ ни произошелъ отзвѣвъ баронессы, что Борисъ Константиновичъ *distingué* изъ *distingués*, такой отзвѣвъ, хотя бы и набитой дуры, но баронессы Линденфельсъ, не могъ не имѣть всепобѣждающаго вліянія на мысли *m-me* Чекмазовой, хотя и смотрѣвшей на баронессу, какъ на простоволосую дуру. И съ того же вечера кузина принялась усердно очаровывать своего *distingué* изъ *distingués* кузена. Она была не на столько глупа, чтобы не понимать, какія свойства души ему нужны,—до сихъ поръ она потому и мало кокетничала съ нимъ, что свойства эти болѣе скучноваты, чѣмъ удовлетворительныя для другихъ *distingués*. Но, когда онъ сталъ *distingué* изъ *distingués*, почему жъ было не потрудиться для него?—Кротость характера, возвышенность образа мыслей, томная жажда болѣе широкой и свободной, простой и полезной жизни, вообще всякія стремленія ко всякимъ великимъ идеаламъ и серьезнымъ вопросамъ, все это было выставлено ему въ ясномъ свѣтѣ,—и онъ не замедлилъ увидѣть все, какъ показалъ его дневникъ. Правда, роль была слишкомъ не натуральна; въ ней было неловко бѣдной Серафимѣ Антоновнѣ, и она играла такъ форсированно, что человѣкъ и не слишкомъ хитрый увидѣлъ бы натянутость игры на многихъ изъ ея штукъ. Напримѣръ, какъ было не догадаться, что она нарочно долго держала руку въ холодной водѣ, чтобъ потомъ взять эту ледяною рукою руку своего кузена, чтобъ онъ узналъ, что она умывалась, чтобъ онъ спросилъ, зачѣмъ она умывалась въ такое необыкновенное время, какъ 9 часовъ вечера, чтобъ онъ увидѣлъ на ея глазахъ слѣды слезъ, которыхъ иначе и не увидѣлъ бы при свѣчахъ. Были штуки еще грубѣе: Серафима Антоновна, видя простоту душевную своего *distingué* изъ *distingués*, безъ всякихъ ухищренныхъ прикрытій остановить не немъ продолжительный томный взглядъ, потомъ вдругъ встрепенется,—порывисто и глубоко вздохнетъ,—и тѣмъ обнаружитъ Борису Константиновичу, что въ ней пробудилось мученіе совѣсти, и стремительно бросится къ мужу, палуется его, садится къ нему на колѣни, то есть, „пойми же ты, Борисъ, что я ищю въ объятіяхъ мужа спасенія отъ преступной страсти къ тебѣ“, и съ тѣмъ вмѣстѣ: „видишь ли, какъ я очаровательна въ моихъ ласкахъ,—почувствуй это, тиранъ моего сердца“. Короче сказать, поступала съ Борисомъ Константиновичемъ какъ съ 14-лѣтнимъ школьникомъ. И Борисъ Константиновичъ принималъ все за чистѣйшую монету, съ добросовѣстностью 14-лѣтняго школьника, и ангельскія ея свойства, и томные взгляды, и ея страданія отъ пошлости мужа, и воспламенялся.

Изъ за чего такъ трудилась Серафима Антоновна? Ровно ни изъ за чего,—шалила, дурачилась,—нужно же чѣмъ нибудь забавляться, чтобъ не было скуки,—что тутъ важнаго?—Всякій взрослый человѣкъ знаетъ, что тутъ нѣтъ ничего важнаго, что это ни къ чему особенному не ведетъ, ни къ чему особенному не ведетъ, ни къ чему не обязываетъ, что это одинъ изъ способовъ препровожденія времени, принятыхъ въ обществѣ; кто помоложе, лю-

безничаетъ (если мужчина), кокетничаетъ (если женщина),—кто постарше (уже безъ различія пола) играетъ въ карты. Кто жь играетъ въ карты за тѣмъ, или такъ, чтобы выигрывать или проигрывать состояніе?—никто; рѣшительно никто изъ тѣхъ, кого она знаетъ. Говорятъ, гдѣ то въ Англійскомъ клубѣ ведется игра на десятки тысячъ; но эти игроки не садятся за ломберные столы квартиры статскихъ (вскорѣ будущихъ дѣйствительныхъ статскихъ) совѣтника и совѣтницы Чекмазовыхъ. Такъ разсуждала Серафима Антоновна. А Борисъ Константинычъ, приличнымъ образомъ воспламенившись, повелъ дѣло по своимъ убѣжденіямъ, и не успѣла Серафима Антоновна сообразить, что такое онъ съ нею сочиняетъ, какъ ужь и оказалась сочинена надлежащая „катастрофа“.

Серафима Антоновна и Андрей Федорычъ жили очень счастливо по своему:—тривиальны или не тривиальны были оба они, это все равно;—они отлично шли другъ къ другу и потому были счастливы. Но у нихъ были минуты неудовольствія другъ на друга, и вотъ въ одну изъ такихъ минутъ послѣ чародѣйственнаго обряда мытья рукъ,—Борисъ Константинычъ почувствовалъ окончательное воспламененіе къ несчастной жертвѣ съ высокою душою, началъ серьезное объясненіе о томъ, что Серафима Антоновна несчастна съ Андреемъ Федорычемъ, объяснялъ ей это, и не дальше, какъ черезъ четыре дня уже получилъ отъ нея записку восклицательнаго характера „забудьте, забудьте!“—Это „забудьте“ было еще забудьте не что нибудь безвозвратное,—„забудьте“ было только то, что вчера онъ довелъ ее до признанія, что, дѣйствительно, она несчастна съ мужемъ. Она начала эту сцену кокетничаньемъ и притворничаньемъ, но вѣдь онъ говорилъ страстно,—голосъ хорошаго артиста дѣйствуетъ на нервы,—дамы, да и мужчины, въ томъ числѣ и я,—хохочуть и плачуть въ театрѣ и въ оперѣ непритворно,—а голосъ настоящей страсти эффектиѣ всякаго спектакля, и когда Борисъ Константинычъ ушелъ,—она еще можетъ быть не десять минутъ оставалась чувствующею въ самомъ дѣлѣ „да, я несчастна“. Черезъ два, три часа нервы успокоились; она ужаснулась того, что она чувствовала и говорила, она вспомнила, что она говорила о мужѣ въ самомъ дѣлѣ съ негодованіемъ, не шути проклипала судьбу, соединившую ихъ,—и въ этомъ ужасѣ она написала записку,—припомните эту записку—это ужь едва ли кокетство: это простая, искренняя просьба женщины, испугавшейся, ужь не заманивающей, а ужь дѣйствительно желающей и умоляющей: забудьте!—Это она сама говорила мнѣ, когда я отдалъ ей эту записку, найденную мною въ бумагахъ Бориса Константиныча, и говорила такъ, что я вѣрю ей. Я не слишкомъ польстилъ ей въ ея портретѣ, и не очень-то расположенъ вѣрить такимъ господамъ. Но на ней не было лица, когда она рассказывала эту сцену; она забыла, что ея губы подрумянены, когда утирала потъ, катившійся по ея лицу, и провела платкомъ по своимъ губамъ такъ неосторожно, что на платкѣ осталось красное пятно, а губы побѣлѣли съ лѣваго угла;—она и этого не замѣтила;—она потомъ утирала глаза этимъ платкомъ, и смотрѣла на него, и не обращала вниманія на красное пятно,—какое жь тутъ притворство?—Женщина была испугана напоминаніемъ этой сцены черезъ три

года,—какъ же я не повѣрю, что она была испугана, когда писала эту записку черезъ два, три часа послѣ этой сцены?

Но ея просьба „забудьте“—совершенно искренняя просьба, какъ я вполне вѣрю, была не изъ тѣхъ просьбъ, которыя исполняются;—конечно, она произвела противоположное дѣйствіе. Впрочемъ, я этого не знаю. Я только могу предполагать. Предположенія тутъ вовсе не мудрены. Но я не знаю, какъ потомъ шло дѣло,—или по крайней мѣрѣ, не имѣю теперь основаній вѣрить тому, въ чемъ меня увѣряли послѣ и чему я тогда повѣрилъ. Въ чемъ тогда увѣряли меня, чему я тогда повѣрилъ, и чему не имѣю основаній вѣрить теперь, это вы прочтете на своемъ мѣстѣ. А положительно мнѣ извѣстно то, что письмо, которое я видѣлъ запечатываемымъ было, какъ я видѣлъ, отдано на городскую почту черезъ двѣ недѣли послѣ полученія этой записки, какъ я вижу изъ сравненія чиселъ. Итакъ, двѣ недѣли мнѣ неизвѣстны, а по прошествіи двухъ недѣль—письмо съ „катастрофой“. Это письмо мнѣ извѣстно, и послѣдствія его извѣстны.

IX.

Катастрофа. *).

Вечеромъ я видѣлъ Бориса Константиныча запечатывающимъ письмо,—на другой день, часу въ шестомъ, вошелъ ко мнѣ Илья Никитичъ съ сердитымъ, очень сердитымъ лицомъ. „Извольте ко почитать произведеніе моего брата, котораго вы любите защищать“, сказалъ онъ, подавая мнѣ письмо и посмотрѣлъ на меня и презрительно, и мстительно, и злобно. Я, какъ имѣю обыкновеніе, сильно струсилъ, хоть и зналъ, что я то, по крайности, никакимъ грѣхамъ не причастенъ, но все таки струсилъ: „Да что же читать? лучше вы такъ расскажите, Илья Никитичъ“, сказалъ я, соображая, что Илья Никитичъ хочетъ за что то подвергать меня наказанію. „А вы хотите увернуться,—давайте же сюда,—онъ взялъ у меня письмо,—я самъ прочту вамъ. Восхищайтесь“.

„Милостивый Государь,
Андрей Федорычъ,

„Какъ человѣкъ просвѣщенный, стоящій выше предразсудковъ, вы поймете, что я долженъ былъ поступить, какъ поступаю, обращаясь къ Вамъ съ прямымъ объясненіемъ фактовъ, и что Вамъ необходимо съ достоинствомъ и спокойствіемъ принять ту неизбежную развязку, которую я сообщаю Вамъ.—Серафима Антоновна и я, мы любимъ другъ друга. Ея благородная натура выше предубѣждений и мелочныхъ мотивовъ. Она сказала мнѣ, что любить меня, и что бѣдность не страшна ей. Правда, мы будемъ жить скудно: люди, подобные мнѣ, не могутъ доставлять житейскихъ удобствъ тѣмъ, кого они любятъ. Но тѣ женщины, которыя способны полюбить такихъ людей, и не нуждаются въ пустыхъ мелочахъ, которыми дорожитъ большинство. Поэтому, не огорчайтесь за Серафиму Антоновну: она будетъ счастлива въ бѣдной и темной долѣ, которую

*) Помѣтка въ рукописи: 19 апрѣля.

рѣшилась раздѣлить со мною. Завтра, въ 12 часовъ, я приѣду за нею. Надѣюсь застать Васъ, чтобы пожать Вашу руку, и, если нужно, утѣпить и укрѣпить словами дружбы и чести.

Вашъ навсегда Б. Алферьевъ

— Вы знаете Чекмазова?—спросилъ Илья Никитичъ, злобно прочитавъ письмо,—спросилъ также злобно и устремилъ неподвижный, тоже все злобный взглядъ; какъ вамъ нравится такое обращеніе къ моему почтенному родственнику Андрею Федорычу?

Я почесалъ въ затылкѣ.

— А ее знаете?

— Видѣлъ мелькомъ раза два, отвѣчалъ я, довольный ужь тѣмъ, что могу хоть на этотъ вопросъ отвѣчать словоизъясненіемъ, а не однимъ почесываніемъ затылка, и отъ этого удовольствія даже усугубилъ возвратившійся мнѣ даръ слова: Ее я видѣлъ раза два, но только мелькомъ, и не могу сказать, что знаю.

— Гмъ! — Точь въ точь, такая же, какъ мужъ! Поняли, умно?

Я снова потерялъ словоизъяснительность.

— Умно, умно! повторилъ вѣсколько разъ Илья Никитичъ. Насытившись терзаніемъ души моей, Илья Никитичъ изрекъ: вотъ какихъ людей вы защищаете. Стыдно, батюшка! Вамъ за тридцать лѣтъ! У васъ черезъ десять лѣтъ ужь пора будетъ жениться сыну. („Нѣтъ, я полагаю, черезъ десять лѣтъ еще рановато“—кромѣ этого я ничего не нашелся подумать въ оправданіе себѣ).

— Вѣдь это безобразіе, батюшка! Ну, ужь довольно. Слушайте, стану рассказывать, что изъ этого вышло.

И онъ началъ рассказывать. Точно, было отчего ему злиться, видя такія штуки, происходящими изъ убѣжденій, которыя онъ считалъ святыми.

Письмо было отдано на городскую почту часовъ въ 5 вечера, часовъ въ 9 достигло Андрея Федорыча, сидѣвшаго за работою въ кабинетѣ, и предпологавшаго, что черезъ полчаса будетъ спокойно пить чай съ женою,—вотъ, только допишетъ этотъ отдѣлъ какого-то отзыва со стороны министерства на какой-то проектъ другого министерства.—„Рука Бориса“, подумалъ онъ, взглянувъ на адресъ.—„Ужь не боленъ ли, бѣдняжка. Славный малый, хоть чудакъ“.—Съ первыхъ словъ письма, пріятель славнаго малаго разинулъ ротъ; дочитавъ до словъ „Серафима Антоновна и я, мы любимъ другъ друга“, почувствовалъ жаръ и ознобъ, дрожалъ отъ гнѣва, торопливо и безуспѣшно дочитывая письмо,—какъ звѣрь вбѣжалъ къ женѣ,—она сидѣла передъ зеркаломъ, поправляя прическу и прочія украшенія, потому что къ чаю могутъ быть гости, „пошла вонъ!“ закричалъ Андрей Федорычъ горничной, и свирѣпо зашагалъ по комнатѣ. Горничная бѣжала въ недоумѣніи;—„никого не принимать!“ закричавъ онъ въ догонку ей, захлопывая дверь. „У васъ амуры! измѣнять своимъ обязанностямъ! Я васъ проучу, сударыня!“ произнесъ онъ задыхающимся голосомъ, когда остался наединѣ съ женою.

Серафима Антоновна поблѣднѣла при первомъ его крикѣ горничной,—

но тотчас же собралась съ духомъ, и гордо сказала: Что такое? Я ничего не понимаю. Вы съ ума сошли, Андрей Федорычъ?

— Да, я схожу съ ума, только отъ вашего безумія, сударыня! онъ бросилъ ей на туалетъ письмо.

*) Отъ смущенія она могла разбирать только безсвязныя слова; поняла, однако, что это письмо не къ ней, а къ ея мужу,—понявъ это, она еще болѣе растерялась, потому что о чемъ же можетъ писать Борисъ къ мужу?

— Или не можете понять, сударыня? А вамъ то должно быть ясно. Онъ извѣщаетъ меня, что вы въ связи съ нимъ и завтра собираетесь ѣхать; вѣрно затѣмъ сообщаетъ, чтобы я снабдилъ васъ деньгами на дорогу.

Серафима Антоновна помертвѣла, зарыдала, и бросилась къ ногамъ мужа: Андре, пощади меня! Я невинна! клянусь тебѣ! Онъ оклеветалъ меня!

— Какъ оклеветалъ? Что вы врете?

— Андре, клянусь! Онъ низкій человѣкъ! онъ клеветникъ! Андре, защити меня отъ него!

— Врете вы, сударыня! Какая тутъ клевета; у васъ съ нимъ была связь.

— Не было, Андре! клянусь!

— Какъ не было? Съ чего же онъ взялъ?

— Не было, Андре! Я не знаю, съ чего онъ взялъ.

— Да съ чего же nibудь взялъ? Было же что nibудь? Признавайся: что у васъ съ нимъ было?

— Ничего, Андре! Мы говорили.

— Говорили? Только говорили? Врете, сударыня!

— Нѣтъ, Андре, только говорили! И онъ письма писалъ.

— Письма? Гдѣ они? Подай ихъ сюда!

Серафима Антоновна встала съ колѣнъ; но дрожала, бѣдная: не могла пройти черезъ комнату; опустила на козетку.—Я не могу идти. Они въ той шкатулкѣ,—вмѣсто прежняго, отчаяннаго крика, она говорила едва слышно: будто силы покинули ее, какъ она встала съ колѣнъ; и точно—она была такъ слаба, что у ней закружилась голова отъ усилія подняться на ноги и пройти; и Андрею Федорычу было ужъ отчасти жалко ея: онъ видывалъ ея обмороки, не очень рѣдко, и былъ знатокъ по этой части,—но это не приготовленіе къ такому обмороку,—она въ самомъ дѣлѣ ослабѣла, бѣдная.—Они въ той шкатулкѣ, Андре, дай ее мнѣ, тихо договорила она.

Андрей Федорычъ подалъ шкатулку. Серафима Антоновна кое какъ отперла ее при помощи мужа.—Вотъ они, Андре, возьми.

— Всѣ тутъ? Не утаила? Онъ внимательно заглянулъ въ шкатулку.

— Нѣтъ, Андре; всѣ.

Андрей Федорычъ порылся въ шкатулкѣ. Точно, больше нѣтъ. А еще нигдѣ не спрятано?

— Нѣтъ, Андре.

— Извольте сидѣть въ вашей комнатѣ, сударыня; никуда ни шагу, слышали? И не смѣть звать ни Парашу, ни кого. Сиди одна, покуда я прочту ихъ.

*) Помѣтка въ рукописи: 27 июля.

Куда ей идти? Она сидѣла бѣлая, какъ полотно, истерически переводя духъ очень неровно. Онъ и самъ дрожалъ, усаживаясь въ кабинетъ съ кипю писемъ, и принялся читать ихъ мрачный, какъ Аббадонна.

„Мы вчера много говорили съ вами, Серафима Антоновна, но я не досказалъ, и потому пишу вамъ. Вы не давали мнѣ этого позволенія; но къ чему же ждать? Мы понимаемъ другъ друга. Такъ, жизнь человѣка должна быть служеніемъ идеѣ. Блаженъ, кто живетъ для того, чтобы служить ей. Но что такое идея? Это трудно опредѣлить. Прогрессъ,—стремленіе къ возведенію человѣка въ человѣческой санъ, — социализмъ,—это понятія болѣе опредѣленныя; но именно потому, что они болѣе опредѣленны, они охватываютъ только нѣкоторыя стороны идеи; ея сущность, ее саму они еще не представляютъ собою. Идея — это живое соединеніе всѣхъ силъ вселенной въ „космосъ“, въ стройномъ порядкѣ, въ гармоніи. Идея есть стремленіе вселенной отъ хаоса къ космосу. Самъ человѣкъ есть результатъ идеи, стремленія силъ вселенной къ созданію космоса изъ хаоса...“

— Чортъ знаетъ, какая глупость, подумалъ, даже произнося мысль губами, такъ сильно было впечатлѣніе; — подумалъ Андрей Федорычъ: чортъ знаетъ что такое! Положимъ, я еще въ состояніи понимать; ну, а Серафима, что тутъ можетъ она понять? — Какъ это она читала? Андрей Федорычъ продолжалъ читать, — брови его хмурились по прежнему, даже больше прежняго, но ротъ сталъ искривляться уже не по прежнему: судорожныя движенія губъ постепенно переходили къ презрительной улыбкѣ, — онъ читалъ, читалъ — все та же ахинея, — вотъ ужъ третье или четвертое письмо, — какъ тутъ раздвинуться бровямъ, — голова трещить!

....„Эти чувства въ значительной степени искусственныя. Я не хочу этимъ сказать, что они не естественны или поддѣльны, — нѣтъ, — но они получаютъ настоящую свою форму отъ настоящаго характера понятій и привычекъ націи, котораго нельзя назвать вѣчнымъ. И мы видимъ, что въ другія времена и въ другихъ странахъ эти чувства не мѣшались или не мѣшаютъ историческимъ явленіямъ, которыя несомнѣстны съ нынѣшнею ихъ европейскою формою — вотъ вамъ и фактическое доказательство, что эта форма не вѣчна и не общечеловѣчна. У спартанцевъ прекрасныя или слабыя дѣти выбрасывались; припомните прекрасный мифъ, относящійся къ другому греческому племени: родители Эдипа велѣли выбросить этого новорожденнаго младенца. Раджпуты (на югъ отъ пустыни низовьевъ Инда, на сѣверъ отъ Нербудды, — правильнѣе Нербадды) до недавняго времени убивали новорожденныхъ дочерей. Въ этомъ звѣрскомъ обычаѣ можно найти фальшивое предчувствіе истины. Не подумайте, что я защищаю его; я потому такъ и выразился, чтобы устранить такую мысль; я говорю: здѣсь есть предчувствіе истины, но предчувствіе фальшивое, то есть истина предчувствуется такъ, что въ этомъ предчувствіи является ложь. Совершенно тоже надобно сказать о всѣхъ явленіяхъ исторической жизни прошлаго и настоящаго: въ нихъ всѣхъ истина предчувствуется фальшиво, и является ложью. Такъ и нынѣшняя форма привязанности родителей къ дѣтямъ есть ложь. Обязанность родителей состоитъ не въ томъ, чтобы дать существованіе дитяти, но въ томъ, чтобы дать ему счастливое существованіе. Это высказалъ Мальтусъ. Но самъ

Мальтусъ есть историческое явленіе, и потому въ его формулѣ истина является ложью для нашего времени, которое уже предчувствуетъ болѣе полное рѣшеніе вопроса о космосѣ человѣческой жизни...

— „Чортъ знаетъ что! Экій дуракъ! повторялъ Андрей Федорычъ. Но гдѣ откопалъ, что Нербудда—неправильно? Вездѣ Нербудда; а по его Нербадда; если бы такую начитавность имѣть мнѣ, то“... думалъ Андрей Федорычъ, быстро перевортывая листы обширной корреспонденціи,—въ заголовкахъ вездѣ было имя его жены, но въ самой корреспонденціи играли роль лица, болѣе извѣстныя въ Европѣ вообще и въ Петербургѣ тоже: Гершель-младшій, мистриссъ Вичеръ-Стоу, Александръ Гумбольдтъ,—эти выставлялись болѣе съ хорошей стороны, хотя не безъ сильныхъ порицаній; Прудонъ и Меттернихъ играли очень дурныя роли, и назывались оба ренегатами истины,—Андрей Федорычъ даже было задумался: какъ же, Меттернихъ и Прудонъ порицаются оба? ужь кого бы вибудь одного бранилъ; и какой же истины ренегатъ Меттернихъ?—но думать было некогда. Героями переписки были—въ одной половинѣ Карлъ Фохтъ, въ другой—Пьеръ Дюпонъ; только о нихъ и отзывался Борисъ Константинычъ безусловно одобрительно;—какой Пьеръ Дюпонъ? есть Шарль Дюпонъ, но Пьеръ Дюпонъ?—а, вотъ: „Пьеръ Дюпонъ смѣнилъ собою Беранже“... Впрочемъ, было кое что и о любви.

...„Я совершенно не могу согласиться съ вашимъ мнѣніемъ, что любовь непременно предполагаетъ вѣрность въ пошломъ смыслѣ слова. Почему не признать возможности минутнаго увлеченія, послѣ котораго человѣкъ возвращается къ постоянному предмету своей привязанности съ чувствомъ не только не ослабѣвшимъ, напротивъ, ожившимся? Въ человѣкѣ два стремленія, изъ соединенія которыхъ возникаетъ жизнь: сила косности (привычки), потребность неизмѣнности, и противоположное стремленіе—искать новаго, бросая привычное, потребность переменъ. Всякая жизнь есть поляризація. Въ магнетизмѣ, въ электричествѣ, въ Ньютоновомъ законѣ, всюду вы видите раздвоеніе силы, стремящейся по противоположнымъ направленіямъ, и изъ противоположныхъ направленій соединяющейся въ одно явленіе—эта обратная сторона поляризаціи извѣстна подъ именемъ теоремы параллелограмма силъ,—вѣрнѣе назвать ее: діагонализмъ силъ; итакъ, поляризація и діагонали“...

Нѣтъ, и это напрасно читать. Андрей Федорычъ все быстрѣе и быстрѣе перевортывалъ страницы,—вездѣ все тоже, все тоже, о чемъ толковалъ Борисъ Константинычъ въ его кабинетѣ съ учеными, литераторами и артистами: будущность человѣчества, борьба противъ предубѣжденій, и подведеніе всего подъ законъ поляризующагося діагонализма,—и нигдѣ, никакого признака rendez vous, ничего похожего на связь;—о любви говорится часто, но все какъ объ ученномъ предметѣ, будто отрывки изъ восторженнаго курса психологін. Все это пересыпано словами: „вы понимаете меня, я понимаю васъ“,—„ваша возвышенная душа предчувствуетъ эту истину“—Серафима Антоновна и Аристотель,—Зороастръ, Серафима Антоновна и Вишну, Дидро, Наполеонъ и Серафима Антоновна,—поэтому, не больше часа пошло на чтеніе цѣлой груды писемъ;—вотъ и послѣднее, писанное уже третьяго дня,

и въ немъ ничего, кромѣ разсужденій. Андрей Федорычъ не могъ не успокоиться; давно на лицѣ была презрительно-веселая усмѣшка. Но, подходя къ комнатѣ жены для окончательнаго объясненія, онъ опять принялъ суровый видъ.

Когда онъ отворилъ дверь спальни, его обдало запахомъ гофманскихъ капель: у бѣдной Серафимы Антоновны сильно разболѣлась голова отъ плача и страха. Надобно побранить ее, но недолго и слегка, потому что онъ человѣкъ разсудительный: что бранить, когда, точно, нездорова; вѣдь онъ видитъ, что не прикидывается. Но слегка надобно побранить, нельзя же, — и онъ сказалъ строгимъ тономъ:

— Видишь, Серафима, къ чему ведутъ эти глупости? Разболѣлась голова; завтра, пожалуй, будешь больна; и все отъ своихъ глупостей.

— Нѣтъ, я буду здорова. Только прости меня. Я невинна, Андре. Онъ низкій человѣкъ, онъ клеветникъ.

— Я это вижу, Серафима. Но зачѣмъ же ты подавала поводъ къ этому? Ты все таки держала себя неосторожно. Рассказывай все, что у васъ было.

— Ничего, Андре. Онъ только говорилъ, я слушала.

— А сама ты писала ему?

— Нѣтъ, Андре. что же мнѣ было отвѣчать на такія письма.

— „И то правда“, подумалъ Андрей Федорычъ.—Такъ не писала.

— Нѣтъ, Андре.

— Ну, хорошо, успокойся. Я прощаю, только впредь будь осторожнѣе.

Теперь успокойся.

*) Андрей Федорычъ сталъ помогать служанкѣ ухаживать за женою. Нервы Серафимы Антоновны понемногу успокоились, она оправилась;—тогда начались подробныя, уже мирныя объясненія, въ которыхъ Андрей Федорычъ чаще всего произносилъ восклицаніе „дуракъ, какъ есть дуракъ“!—и вопросъ, какъ же ты, Серафима, связывалась съ такимъ дуракомъ?—а со стороны Серафимы Антоновны вопросительный отвѣтъ: „я и сама не рада была, да какъ ты отъ него отвяжешься?“ — и ко времени сна грядущаго уже возставились благополучнѣйшія супружескія отношенія.

X.

То еще не была настоящая катастрофа,—настоящая катастрофа здѣсь.

**) Борисъ Константинычъ, неизмѣнно точный въ соблюденіи назначеннаго времени, явился, какъ писалъ, въ 12 часовъ. Слуга попросилъ его пройти къ Андрею Федорычу. Андрей Федорычъ вѣжливо и церемонно всталъ при появленіи ожидаемаго гостя.

— Очень благодаренъ вамъ, Борисъ Константинычъ,—началъ онъ официальнымъ тономъ, за вашу готовность утѣшить и подкрѣпить меня въ моей печали. Но прежде всего позвольте спросить васъ, какое право имѣете

*) Помѣтка въ рукописи: 20 апрѣля.

**) Помѣтка въ рукописи: 20 апрѣля.

вы писать мужу клеветы на его жену, и сообразны ли такіе поступки съ правилами чести?

Борисъ Константинычъ, входившій съ намѣреніемъ заключить несчастнаго въ свои объятія и излиться въ ободреніяхъ, остолбенѣлъ, и принявъ позу и фізіономію остолбенѣлости, сохранялъ ее безъ особенныхъ усилій воли.

— Прошу васъ садиться, Борисъ Константинычъ,—это будетъ удобнѣе, чтобы выслушать мои замѣчанія, потому что они будутъ довольны длинны.

Андрей Федорычъ указалъ кресло, Борисъ Константинычъ машинально сѣлъ.

— Понимали ли вы, что вы дѣлали, когда писали мнѣ ваше безразсудное письмо? Какъ могло прійти вамъ въ голову обращаться ко мнѣ съ такими словами о моей женѣ, которая не для меня одного, такъ хорошо знающаго ее благородство, но и для всѣхъ, сколько нибудь знающихъ ее, выше всякихъ подозрѣній? Если бы я не зналъ, что вы только безумецъ, то я бы не зналъ, какое имя дать подобному поступку, который превосходитъ всякую мѣру наглости въ клеветѣ, не могущей притомъ имѣть никакой...

Но Борису Константинычу нужно было лишь нѣсколько секундъ, чтобы оправиться отъ перваго изумленія, и онъ уже подвелъ неожиданную встрѣчу подъ свою теорію: дѣло ясно. Онъ увидѣлъ, что ошибся въ благородствѣ Андрея Федорыча; Андрей Федорычъ, хоть и говорилъ ему всегда, что раздѣляетъ его убѣжденія, но вѣдь говорилъ только изъ желанія казаться передовымъ человѣкомъ, а на самомъ дѣлѣ человѣкъ прозаическій, пошлый; онъ поступаетъ, какъ обыкновенно поступаютъ въ этихъ случаяхъ домашніе деспоты: заперъ жену, быть можетъ истиранилъ ее, и говоритъ, что она не любитъ Бориса Константиныча; обязанность Бориса Константиныча: защитить ее отъ тиранства, возратить ей свободу, дать ей обѣщанное счастье взаимной любви. Въ его мысли ужь мелькнулъ весь процессъ фактовъ, нужный для достиженія этой цѣди при неожиданно оказавшейся пошлой тираннической хитрости мужа; вотъ какъ это будетъ. Андрей Федорычъ говоритъ: „вы не увидите ее“; онъ отвѣчаетъ: „увиджу“, встаетъ и идетъ къ ея комнатѣ; Андрей Федорычъ становится въ двери кабинета и говоритъ: „вы перешагнете порогъ только черезъ мой трупъ“.—„Если необходимо, я готовъ“. Дуэль—глупость; но если варварство принуждаетъ, нельзя иначе. Одинъ пистолетъ заряженъ, другой нѣтъ. Кому достанется заряженный? Это любопытно. Если падаетъ онъ, Борисъ Константинычъ, что жъ, онъ исполнитъ долгъ; если падаетъ Андрей Федорычъ, они уѣзжаютъ въ Америку.—Борисъ Константинычъ обдумалъ все это, пока Андрей Федорычъ произносилъ начало своего выговора ему,—и обдумавъ, спокойно поднялъ на Андрея Федорыча глаза и твердымъ, но по обыкновенію тихимъ голосомъ сказалъ:

— Вы хотите сказать, что Серафима Антоновна не имѣетъ того намѣренія, о которомъ я говорилъ въ своемъ письмѣ къ вамъ? Вы позволите мнѣ замѣтить, что въ этомъ случаѣ только ея собственныя слова могутъ имѣть убѣдительность для меня.

Андрей Федорычъ холодно и горько улынулся.—Вамъ угодно лично объяснить съ моею женою? Я надѣялся, что у васъ достанетъ деликатности пощадить ее отъ этого.

— Я сказалъ свое мнѣніе и остаюсь при немъ. Я долженъ видѣть ее.

— Вы непремѣнно хотите этого?

— Да.

„Андрей Федорычъ пожалъ плечами и позвонилъ. Вошелъ слуга. Доложи Серафимъ Антоновнѣ, что Борисъ Константинычъ желаетъ видѣть ее и что я просилъ бы ее принять его. Ты не переврешь? Слуга повторилъ слова. Такъ.

Слуга ушелъ. Несчастный мужъ и счастливый любовникъ молча ждали его возвращенія. Борисъ Константинычъ былъ холоденъ и спокоенъ. Андрей Федорычъ пожималъ плечами и морщился.

— Серафима Антоновна просятъ извиненія: онѣ не могутъ принять, сказалъ слуга и вышелъ.

— Вы видите? Вы согласитесь, что она права, уклоняясь отъ встрѣчи съ человѣкомъ, который такъ оскорбилъ ее, и меня въ ея лицѣ.

Но теперь Борисъ Константинычъ улыбнулся съ горькимъ презрѣніемъ. Этъ ужъ слишкомъ понятно: заговоръ съ слугою.—Я долженъ видѣть ее, сказалъ онъ еще спокойнѣе и тверже прежняго.

— Вамъ не жаль такъ мучить женщину? Вы называете себя благороднымъ человѣкомъ?

Борисъ Константинычъ не удостоилъ его отвѣтомъ. Его отвѣтъ былъ только въ его взглядѣ, говорившемъ:—„Я долженъ видѣть ее; ты не можешь помѣшать мнѣ“.

Андрей Федорычъ опять пожалъ плечами, и вздохнулъ.—Какъ ни глупо я сознаю, что ваше требованіе не сообразно ни съ чѣмъ, я пойду самъ настаивать, чтобъ она исполнила его. Но, Борисъ Константинычъ, поймите же, до какой степени дурно требовать, чтобы мужъ просилъ жену о томъ, что и по ея и по его мнѣнію унижительно для нея. Вы хотите подвергать сомнѣнію мои слова,—какъ вы можете дѣлать это, я не понимаю; по все равно: я принужденъ дать вамъ улыку, что если кто изъ насъ двухъ здѣсь играетъ безчестную роль, то не я.—Имѣйте терпѣніе подождать моего возвращенія.

Андрей Федорычъ ушелъ и довольно долго не возвращался.

„Какой пошлякъ!—какія пошлыя уловки! Съ нимъ не будетъ дуэли“.

Такъ думалъ Борисъ Константинычъ, но ужъ отчасти и не такъ думалъ: онъ ужъ чувствовалъ, что что то неладно, что факты будто начинаютъ не подходить подъ его теорію.

Андрей Федорычъ возвратился.—Ваше желаніе будетъ исполнено, сухо и спокойно сказалъ онъ; моя жена пришлетъ сказать, когда будетъ въ состояніи принять васъ.

Борисъ Константинычъ поклонился. Они опять сѣли, молча; Борисъ Константинычъ неподвижно, Андрей Федорычъ съ легкими машинальными жестами нетерпѣнія.

— Серафима Антоновна просятъ пожаловать, сказалъ слуга. Оба встали.—Въ гостинную, съ пренебреженіемъ сказалъ Андрей Федорычъ, пропуская Бориса Константиныча на одинъ шагъ впередъ.

Серафима Антоновна, блѣдная, съ сверкающими глазами, стояла, опер-

пхсь лѣвою рукою на высокую спинку кресла; едва Борисъ Константинычъ появился въ дверяхъ, она сдѣлала другою рукою знакъ, говорившій: оставитесь!

— Вы желали меня видѣть, сказала она рѣзко и громко, чтобы удостовѣриться, что я не зашита въ мѣшокъ и не брошена въ море. Вы видите, нѣтъ. Она слегка наклонила голову и показала рукою на дверь.

Но Борису Константинычу и этого было мало. Онъ стоялъ какъ вкопанный. Зачѣмъ онъ стоялъ, ужь Богъ его знаетъ. Едва ли онъ могъ продолжать сомнѣваться, а впрочемъ можетъ быть онъ хотѣлъ до конца исполнить свой долгъ,—долгъ требовалъ, чтобы онъ видѣлъ ее наединѣ и получилъ отъ нея свободный отвѣтъ,—или онъ стоялъ потому, что растерялся.—Андрей Федорычъ понялъ въ томъ смыслѣ, что онъ стоитъ для исполненія долга.

— Кажется, Борисъ Константинычъ все еще сомнѣвается, Серафима;— можетъ быть, по его мнѣнью, ты боишься при мнѣ высказать свои истинныя чувства къ нему. Я уйду, чтобы онъ не сомнѣвался.

— Андре, я запрещаю тебѣ оставлять меня съ этимъ человѣкомъ.

— Нѣтъ, Серафима, позволь; иначе, онъ, пожалуй, станетъ думать Богъ знаетъ что, и Андрей Федорычъ повернулся, вышелъ изъ гостиной, затворилъ дверь и прошелъ въ свой кабинетъ.

— Вы безчестный человѣкъ, Борисъ Константинычъ; я даже не ненавижу васъ—только презираю. Я запретила мужу вызывать васъ на дуэль и не позволю ему принять вашъ вызовъ. Прощайте. Она повернулась и пошла къ двери, противоположной той, у которой стоялъ Борисъ Константинычъ.

XI.

Объясненіе катастрофы.

— Да что жь это такое, наконецъ? спросилъ я Илью Никитича, когда онъ разсказалъ мнѣ это дикое происшествіе.

— Да чортъ знаетъ что такое, рѣшительно чортъ знаетъ что, отвѣчалъ онъ догматически.

— Да какъ же это наконецъ?

— Да я же вамъ говорю, что чортъ знаетъ, какъ. Потому то Борисъ Константинычъ и есть Борисъ Константинычъ, что съ нимъ происходятъ такія событія.

— Да наконецъ вѣдь онъ же не въ бѣлой горячкѣ?

— Это какъ вамъ угодно; по всегдашнему.

— *) Но нѣтъ же, наконецъ, былъ же какойнибудь поводъ ему написать это письмо; кокетничала она съ нимъ?

— Аааахъ! съ глубокимъ чувствомъ произнесъ Илья Никитичъ и посмотрѣлъ на меня съ отчаяніемъ.—Аааахъ! такъ вы вотъ о чемъ спрашиваете. Что вы, новорожденный младенецъ, что ли? Да какое же „кокетни-

*) Помѣтка въ рукописи: 28 іюля.

чала“? Понятно, полагаю, что должна была быть связь. Безъ этого, конечно, не написалъ бы, хоть и сумасшедшій. Сумасшествіе только въ томъ, батюшка, что онъ разсудилъ, что когда онъ ея любовникъ, то она его любитъ; а того не разсудилъ, что дамы имѣють любовниковъ не для любви, а для развлеченія.

— Такъ она дрянъ, сказалъ я.

— Фу ты, Господи!—ну, чѣмъ же она дрянъ? Какъ мужья имѣють другихъ женщинъ на содержаніи, такъ жены имѣють любовниковъ; тѣ и другія не по серьезному чувству, а для развлеченія. Чѣмъ же тутъ жены хуже мужей?—Это нужно со стороны женъ для возстановленія равновѣсія въ супружеской жизни. А вы скажете: „но страдаетъ семейная жизнь“, а я вамъ говорю: „нисколько“. Мужъ даетъ содержанкѣ столько денегъ, столько времени и всего, сколько остается лишняго за исполненіемъ обязанностей семейной жизни; не жертвуетъ выгодами жены для содержанки;—такъ и жена вовсе не измѣняетъ ни мужу, ни семейной жизни для любовника; любовникъ—игрушка, мужъ—серьезная вещь. „Дѣлу время, и потѣхъ часъ“—правило нашей старины,—чуть помните? А что это не похоже на ваши съ Борисомъ Константиновичемъ теоріи, не спорю.—Впрочемъ, я чувствую, вы и меня то доводите до того, что я глупѣю. Вѣдь я не затѣмъ пріѣхалъ къ вамъ, чтобы разсуждать о нравахъ нашего общества. Я къ вамъ не за такими наивностями, а за дѣломъ Андрей Федорычъ не продолжалъ объясненія съ Борисомъ, какъ ушелъ въ кабинетъ, и не вышелъ ужъ къ нему. А какъ ушелъ Борисъ, онъ поѣхалъ ко мнѣ, и рассказалъ все, какъ было, Это умно, онъ умѣе, чѣмъ я думалъ, даже благороднѣе.—„Вы хотите, чтобы я dokonчилъ мытье головы моему братцу?—говорю я ему; точно, это лучше, чѣмъ вамъ было продолжать сцену съ этимъ сумасшедшимъ“.—„Дт, говорить, я хочу просить васъ—избавить меня отъ этой непріятности. Онъ довольно наказанъ, а въ моихъ глазахъ это дѣло не имѣетъ важности. Но теперь хорошая минута, чтобъ урезонивать его для его же пользы“.—„Это правда“, говорю я. Вотъ я и отправляюсь къ Борису и заѣхалъ позвать васъ. Поѣдемъ-те“.

— Зачѣмъ же мнѣ то ѣхать? Въ наказаніе мнѣ за то, что я защищалъ его, вы ведете меня присутствовать при его казни?

— Пожалуй, хоть и такъ. А серьезно затѣмъ, что онъ знаетъ, что вы, подсмѣиваясь надъ нимъ въ глаза, за глаза защищаете его; во мнѣ онъ видитъ слишкомъ холоднаго судью, а въ васъ—самаго расположеннаго въ его пользу. Такъ пусть же видитъ, что, серьезно говоря, и вы не можете противорѣчить мнѣ.

Я вздохнулъ. Почтенную роль вы даете мнѣ, Илья Никитичъ; что вотъ, Борисъ, смотри: сидитъ, сидитъ очень глупшій человекъ, но даже и тотъ понимаетъ, что ты глупъ.

— Ну, все равно, поѣдемъ.

— Поѣдемъ, сказалъ я, тщательно и не безуспѣшно сгоняя съ лица кислую мину.

XII.

Болѣе удовлетворительное объясненіе катастрофы, возстановляющее то, чему было повредила катастрофа.

— Любопытно бы подсмотреть, что дѣлаетъ Борисъ, сказалъ Илья Никитичъ, подходя къ двери Бориса Константиныча.

Подсматривать было не нужно: мы услышали ровные, но торопливые шаги. Борисъ Константинычъ быстро ходилъ по комнатѣ. Это у него ужъ самая высокая степень волненія, когда онъ начинаетъ расхаживать быстрыми шагами. Онъ рѣдко обращается къ этому занятію, но, принявшись за него, оказываетъ неутомимость: можетъ ходить часовъ шесть и больше; и въ это время, также не переставая ни на мгновеніе ока, потираетъ руки.

— Здравствуй, Борисъ; отличился!— началъ Илья Никитичъ безъ всякихъ предисловій:— очень хорошо! Андрей Федорычъ разсказалъ мнѣ все; и Серафима Антоновна пополняла; а я вотъ ему разсказалъ, твоему сочувствователю, мы съ нимъ пріѣхали хвалить тебя,—„утѣшить и подкрѣпить“, какъ ты выражался въ письмѣ. Не стыдно, Борисъ?

— Не смѣйся, Илья,—это не смѣшно, а грустно, сказалъ Борисъ Константинычъ съ улыбкою, довольно печальнѣе обыкновенной, не прекращая своей прогулки.

— Что тутъ грустнаго?—Только смѣшно; но можетъ быть и полезно, если послужитъ тебѣ урокомъ.

— Чего?—съ этимъ словомъ Борисъ Константинычъ остановился передъ Ильею Никитичемъ, какъ умный передъ человѣкомъ, сказавшимъ глупость.

— Разсудительности, положительности!

— Я очень разсудителенъ и положителенъ, гораздо больше тебя и всѣхъ васъ; выразивъ это мнѣніе съ внушительнымъ движеніемъ бровей, Борисъ Константинычъ отвернулся и опять пошелъ ходить; но уже не торопливыми шагами—значить, значительно успокоившись, что оправился, и не потирая руки, а спокойно заложивъ ихъ за спину.

— Такъ что жъ это такое вышло съ тобою?

— Ошибка.

— Но всему есть предѣлъ; и ошибокѣ тоже. Ты можешь по ошибкѣ принять муху за пчелу, но принять муху за слона,—это ужъ не ошибка, это помѣшательство. Какія основанія были у тебя сочинить, что наша почтенная кузина намѣрена бросить мужа для тебя? Положимъ, она объяснялась тебѣ въ любви, поло...

— Она не объяснялась мнѣ въ любви.

— Даже и не объяснялась!—воскликнули Илья Никитичъ и я въ одинъ голосъ. Борисъ Константинычъ оказался превзошедшимъ всѣ наши соображенія.

Но всегда отличаясь сообразительностью и находчивостью, я съ этого восклицанія переложилъ голосъ на пояснительный тонъ, соотвѣтственно тому

переводя и взглядъ съ Бориса Константиныча на Илью Никитича, съ приличнымъ замѣненіемъ удивленнаго вида тѣмъ самымъ, какой получило лицо Пифагора, когда онъ открылъ теорему, извѣстную подъ его именемъ:— Видите, Илья Никитичъ, честный человѣкъ всегда скажетъ это, какія бы причины ни были у него къ ошибкѣ. Онъ всегда будетъ выставлять себя одного за виноватаго, въ случаѣ надобности даже за идіотски-глупаго лишь бы не упало ни малѣйшей тѣни на репутацію женщины.

— Кто вамъ сказалъ, что я желаю выставлять себя идіотски-глупымъ? Я нисколько не желаю этого,—нѣсколько раздражительно, то есть, по масштабу его самообладанія, совершенно теряя власть надъ собою, возразилъ Борисъ Константинычъ новому Пифагору, останавливаясь передъ нимъ: кто вамъ сказалъ, что я дамъ кому нибудь право называть меня дуракомъ? Что я пощажу для этого кого нибудь или что нибудь?—продолжалъ онъ, возвышая голосъ:—кто вамъ сказалъ, что у меня не было очень основательныхъ причинъ къ предположенію, которое оказалось ошибочнымъ. Я имѣлъ совершенно достаточныя причины думать, что она броситъ мужа для меня. Да, были отношенія, совершенно уполномо...

— Молчите!—съ неописаннымъ благородствомъ воскликнулъ я, въ трепетѣ, что своимъ пифагорействомъ раздражилъ самолюбіе Бориса Константиныча до того, что онъ падаетъ въ грязь доказыванія, что у него была связь съ Серафимою Антоновною.

— Я не намѣренъ молчать, рѣзко перебилъ, онъ, продолжая стоять передо мною, но удѣляя взоры поровну мнѣ и Ильѣ Никитичу: потому что не желаю выставлять себя дуракомъ, когда я вовсе не былъ имъ. Да, были отношенія, совершенно уполномочившія меня находить, что она рѣшилась бросить мужа для меня. Онъ—вы его знаете; это проза; посредственность, пошлость. Я говорю безпристрастно. Онъ не въ состояніи понимать моего или вашего образа мыслей,—потому что образъ мыслей у меня, у васъ, у Ильи Никитича, у всѣхъ насъ одинъ, надѣюсь.—Она вполне сочувствовала всему, что я говорилъ—Женщина съ такимъ взглядомъ съ такими стремленіями не можетъ выносить общества такого человѣка, какъ статскій совѣтникъ Чекмазовъ.—Согласны ли? но, видя на моемъ лицѣ такое крайнее замѣшательство, при которомъ нельзя ждать отъ человѣка ясныхъ отвѣтовъ, онъ обратился къ Ильѣ Никитичу:—согласенъ ли ты, Илья? Вообрази, что ты или я женщина; могли ли бы ты или я жить съ Андреемъ Федорычемъ? Отвѣчай.

*) — Нѣтъ, не могли бы, ты правъ, отвѣчалъ Илья Никитичъ серьезнымъ тономъ; это не подлежитъ спору, не могли бы, ни я, ни ты. Это было бы самое мерзкое мученіе, самая отвратительная гадость, а не жизнь. Я бы удавился, если бы ужъ не могъ уйти.

— Итакъ, я совершенно логически заключилъ, что жизнь съ нимъ должна быть несносна для нея. Между тѣмъ, для человѣка необходимо любить; и она соглашалась, что не понимаетъ жизни безъ любви. Кого жъ она могла полюбить при такихъ стремленіяхъ, какія видѣлъ я въ ней?

* Помѣтка въ рукописи: 21 апрѣля.

Только человѣка съ подобными стремленіями. Такой человѣкъ подлѣ нея былъ я одинъ. Слѣдовательно, она должна былъ любить меня.

— Выводъ сдѣланъ основательно, только, изъ чего же онъ сдѣланъ? спросилъ Илья Никитичъ: откуда ты взялъ, что она имѣеть какой то образъ мыслей и какія то стремленія, которыя имѣемъ мы съ тобой? Съ чего ты это выдумалъ?

— Она слушала меня съ такимъ вниманіемъ, показывала такое сочувствіе къ моимъ мыслямъ.

*) — Такъ, такъ; я ужъ и спросилъ только для очищенія совѣсти; по началу твоего разсужденія было видно, что именно это, и только это. — Такъ и она говорила и мужу, и мнѣ, когда былъ у нея передъ тѣмъ, какъ поѣхать вотъ къ нему. — Что жъ было между вами, спрашиваю я у нея: — вы знаете, я и человѣкъ скромный, и ужъ вовсе не тетушка съ моралью, — мнѣ нужно же знать, когда вы поручаете, чтобъ я докончилъ объясненіе за васъ. — „Онъ говорилъ, а я слушала“. — Я не повѣрилъ ей. Но сказалъ: птакъ, я считаю возможнымъ взять съ собою одного посторонняго господина, присутствіе котораго было бы полезно. Могу я сдѣлать это, Серафима Антоновна? — „Совершенно можете, кого вамъ угодно“. — Вотъ, я и привезъ его: она разрѣшила, такъ что жъ мнѣ не взять его съ собою. А все таки не вѣрилъ ей. Теперь, вѣрю, братецъ ты мой, Борисъ Константиновичъ, „онъ говорилъ, а я слушала“ — вѣрю, вѣрю!

— Но, Илья Никитичъ, вы... началъ было я, вспоминая свою пифагорійскую теорему.

— Нѣтъ, холодно и твердо отвѣчалъ Илья Никитичъ: — не полагайте, что онъ умалчиваетъ что нибудь для охраненія ея репутаціи. Нѣтъ, вы видите все дѣло, какъ на ладони. Оно неправдоподобно, потому я и не вѣрилъ. Но я ошибался, это видно. Ну, Борисъ, какъ ни хорошо я тебя зналъ, но до такой степени глупымъ человѣкомъ все таки не предполагалъ. — Вы интересуетесь разными науками, обратился онъ ко мнѣ: поблагодарите моего брата: онъ вамъ показываетъ самъ въ себѣ такую рѣдкость, что любознательный человѣкъ не полѣнится проѣхать тысячу верстъ посмотретьъ ее. — До сихъ поръ была извѣстна натуралистамъ одна порода людей homo sapiens — человѣкъ, отличающійся отъ обезьянъ разсудкомъ; теперь мы отыскали другую породу: homo insipiens didacticus, — человѣкъ, не отличающійся разсудкомъ отъ обезьянъ, но необыкновенно сильный въ діалектикѣ. Полагали, что эта порода млекопитающихъ вымерла около того же времени, какъ вымерла въ другомъ классѣ позвончатыхъ, въ классѣ птицъ, порода Дронть-Дуду. Въ средніе вѣка обѣ эти породы множились и процвѣтали; вскорѣ послѣ того какъ Магелланъ совершилъ первое кругосвѣтное плаваніе, обѣ начали вымирать. Соприкосновеніе съ купцами, матросами было губительно для обѣихъ породъ. Какъ вы полагаете, кто это ходитъ по комнатамъ? — Оома Кемпійскій, Оома Аквинатъ, Эригена, — схоластикъ среднихъ вѣковъ, doctor angelicus „учитель ангельскій“ — одного изъ нихъ такъ именно и звали, какъ его

*) Помѣтка въ рукописи: 25 мая

слѣдуетъ назвать: doctor seraphicus, Серафимскій учитель,—это млекопитающій Дронть-Дуду.

Млекопитающій Дронть-Дуду ходилъ себѣ по комнатѣ, какъ ни въ чемъ не бывало,—не быстрыми шагами, а тихими, то есть не въ волненіи или досадѣ,—нѣтъ, равнодушно. Илья Никитичъ говорилъ и говорилъ, а онъ слушалъ, будто и не о немъ идетъ рѣчь, будто это, точно, безобидная лекція изъ естественной исторіи.

— Такъ, такъ, узнаю тебя въ этомъ, Борисъ, говорилъ Илья Никитичъ:—изъ того, что женщина, отъ нечего дѣлать, по небольшому кокетству, быть можетъ, а главное, по любопытству слушаетъ твои диссертациі, которыхъ даже не понимаетъ,—изъ того, что она слушаетъ ихъ, ты заключаешь, что она влюблена въ тебя; изъ изъ дикаго неподтвержденнаго ничѣмъ заключенія, что она влюблена въ тебя, ты дѣлаешь новое заключеніе что она готова все въ жертву для тебя, которому, вѣроятно, не дала бы даже своего поцалуя, вѣроятно дававшагося не одному мужу, вѣроятно, отказала бы въ этомъ пустомъ поцалуѣ, если бъ тебѣ вздумалось протянуть за нимъ губы,—щелкнула бы тебя по губамъ, но вамъ не нужно этого, Борисъ Константиновичъ, вы не такой человѣкъ, вы ужъ знаете, что эта женщина, которая развѣ-развѣ позволила бы вамъ поцаловать ея руку, что она готова—чего готова, ужъ рѣшилась стать изъ-за любви къ вамъ женщиною погибшею во мнѣніи общества, разорвать все отношенія къ людямъ, изъ которыхъ не только ея мужъ, ея сестра, каждая ея пріятельница для нея интереснѣе и дороже чѣмъ вы,—промѣнять порядочную обстановку на бѣдность. Ахъ, ты сумасшедшій, ахъ, ты сумасшедшій!—Но мало того, что ты сумасшедшій, ты слѣпой сумасшедшій. — Не имѣть мозга въ головѣ — это большое несчастье; не имѣть глазъ во лбу тоже очень большое; каждаго изъ нихъ достаточно, чтобы человѣкъ былъ жалокъ,—въ тебѣ соединяются оба. Что ты сумасшедшій, ты, полагаю, понимаешь; доказывать ли тебѣ, что ты слѣпой? Какъ же ты смотрѣлъ на нее и не замѣчалъ, что она совершенно подъ пару своему мужу?—Илья Никитичъ пустился въ подробное изображеніе свойствъ Серафимы Антоновны, припоминая, въ какомъ ея поступкѣ очень ясно высказывалась ея пустота, въ какомъ—тщеславіе, въ какомъ—какая другая пошлая замашка, и все приговаривая къ каждому анекдоту: вѣдь это было при тебѣ, вѣдь ты торчалъ же тутъ? Помнишь?

На каждый такой вопросъ Борисъ Константиновичъ отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ добросовѣстному собесѣднику: „помню“, и продолжалъ ходить, не дѣлая никакихъ другихъ замѣчаній, кромѣ только „помню“,—ни одного слова.

— Посмотри же ты на себя, продолжалъ Илья Никитичъ,—какую пошлую роль ты разыгралъ въ этомъ дѣлѣ.—Ты считаешь себя человѣкомъ и умнымъ, и благороднымъ,—а какъ смѣшонъ, тупъ, пошлъ былъ ты въ этой сценѣ съ Андреемъ Федорычемъ, котораго ты презираешь; а онъ былъ тутъ уменъ и благороденъ;—какъ бездушень и низокъ былъ ты, добиваясь объясненія съ этою несчастною женщиною, передъ которой ты страшно виновать,—которой вѣдь это объясненіе было страшною пыткой,—тебѣ еще это было нужно, какъ будто мала была мерзость, которую ты сдѣлалъ ей твоимъ письмомъ. Она тоже пошлая женщина, какъ и ея мужъ, но въ этой

сценѣ ты былъ низокъ и подлѣ передъ нею, она благородна. О, въ какое униженное положеніе ты поставилъ себя! Какъ ты компрометировалъ убѣжденія, представителемъ которыхъ являлся! Ты повергнулъ святыню нашихъ убѣжденій въ кучу навоза, на поруганіе, на оплеваніе всѣмъ дуракамъ, на попраніе всѣмъ животнымъ! Ты преступникъ! Если бы можно было намъ составить судъ надъ тобою, ты былъ бы повѣшенъ.

*) — Половина десятаго, Илья, сказалъ Борисъ Константинычъ, вынимая часы: пора къ Желтухинымъ; вы тоже ѣдете къ нимъ?—Изъ твоего раздраженія, Илья, я вижу, что ты любишь меня, и очень признателенъ тебѣ за это; и вамъ тоже—прибавилъ онъ, относясь ко мнѣ. Я отдалъ все время говорить тебѣ, и вамъ подтверждать его слова. Я знаю, что послѣ подобныхъ случаевъ нельзя избѣжать разговоровъ съ людьми близкими. Разговоръ долженъ былъ быть, и онъ былъ. Вы говорили три часа,—довольны ли вы? Онъ остановился передъ Ильею Никитичемъ и твердымъ, нѣсколько суровымъ взглядомъ смотрѣлъ на него,—удѣляя небольшую долю смотрѣнія и мнѣ. Я далъ тебѣ довольно времени высказаться,—вамъ заявлять ваше согласіе съ нимъ. Обыкновеніе требуетъ—вѣдь это все дѣлается въ удовлетвореніе рутинѣ, будемъ же соблюдать ее,—обыкновеніе требуетъ, чтобъ и я сказалъ нѣсколько словъ. Скажу ихъ—не потому, чтобы надѣялся сказать ими что нибудь новое для васъ, а въ удовлетвореніе рутинѣ.—Я ошибся и съ самаго начала сказалъ это; прибавить къ этому—я и теперь ничего не имѣю, послѣ вашихъ разсужденій, какъ до нихъ. Я поступалъ честно, и потому мнѣ не въ чемъ раскаяваться и нечего стыдиться. Въ томъ, что случилось, нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни даже замѣчательнаго. Никогда не ошибается лишь тотъ, кто ни къ чему не стремится, ничего не дѣлаетъ. Смѣяться легко, порицать легко, но не всегда позволительно. Таково мое мнѣніе. —Вѣдемъ къ Желтухинымъ.

— Ты неисправимъ, Борисъ, сказалъ Илья Никитичъ со вздохомъ.

— Надѣюсь, неисправимъ, по твоему выраженію; неизмѣнно вѣренъ своимъ правиламъ, по моему.

Илья Никитичъ и я, мы остались тогда убѣжденные, что Серафимъ Антоновнѣ и Борису Константинычу нечего было скрывать; что они „говорили, и только“.—Но я уже сказалъ передъ описаніемъ катастрофы, что теперь я не знаю, что было между ними въ продолженіе двухъ недѣль, прошедшихъ между сценою, когда Серафима Антоновна сказала, что ненавидитъ мужа, и испугалась своихъ словъ, оставшись одна,—и между тѣмъ вечеромъ, когда Борисъ Константинычъ отправилъ свое письмо.

Неправдоподобно, чтобы Борисъ Константинычъ написалъ это письмо безъ rendez vous и всей ихъ принадлежности. Такъ думалъ и Илья Никитичъ. Но Илья Никитичъ принужденъ былъ отказаться отъ этого мнѣнія, и мнѣ также казалось, что Борисъ Константинычъ смастерилъ свое писемцо при совершенно такихъ отношеніяхъ, какія выказались намъ „какъ на ла-

*) Помѣтка въ рукописи: 26 мая.

донп“ изъ апологіи „млекопитающаго Дронть-Дуду“. Но тогда мы не знали сцены негодованія на мужа, послѣ которой была послана записка „забудьте“! Натурально предположить, что за такую сценою должны были слѣдовать другія, дававшія Борису Константиновичу основаніе думать, что Серафима Антоновна готова жертвовать для него многимъ. И по всей вѣроятности, Борисъ Константиновичъ, выставя себя круглымъ дуракомъ въ этомъ дѣлѣ, одурачилъ Илью Никитича и меня. Меня,—это, пожалуй, и не было бы особеннымъ мастерствомъ; но Илью Никитича—это штука трудноватая. А впрочемъ, кто жъ его знаетъ, Бориса Константиновича?—Онъ былъ тогда способенъ и на то, и на другое: онъ былъ способенъ и написать письмо безъ всякихъ основаній; былъ способенъ и разыграть самую тяжелую для него роль, не моргнувъ. Рѣшительно, не умѣю сказать, то или другое было на самомъ дѣлѣ.

Думаю, впрочемъ, что онъ разыгралъ роль. Если такъ, онъ сдѣлалъ то, чего никто не могъ бы сдѣлать: совершенно уничтожить всякое сомнѣніе о невинности женщины во всѣхъ, до кого доходилъ слухъ о скандалѣ. Величайшіе мерзавцы и мерзавки искренно говорили: „она чиста; онъ дуракъ“; даже легкая тѣнь, какую набрасываетъ на имя дамы обыкновенное невинное кокетство, какая лежитъ, какъ легкой вуаль, на именахъ почти всѣхъ дамъ въ сплетническихъ кружкахъ, которая была приобрѣтена и Серафимою Антоновною за прежнія ея кокетничанья съ другими,—даже эта тѣнь надолго была уничтожена сіяніемъ ея невинности въ глупой продѣлкѣ Бориса Константиновича.—„Онъ дуракъ, она чиста“;—„чиста“, „чиста“, этимъ тверженіемъ долго были заглушаемы всякія сплетни о ней за прежнія и за новыя легкія шалости.

А твердили „чиста“ потому, что этимъ необходимо пополнялось „дуракъ“,—чтобы признавать его дуракомъ, необходимо признать ее чистою. А невозможно было не признавать его круглымъ дуракомъ.

И не только я, Илья Никитичъ также былъ тогда совершенно убѣжденъ, что сплетники и сплетницы не ошибаются, сваливая всю вину исключительно на него.—Очень можетъ быть, что они и не ошибались, что онъ и дѣйствительно былъ въ этомъ дѣлѣ истиннымъ doctor angelicus seraphicus, млекопитающимъ Дронть-Дуду, какимъ нашель его Илья Никитичъ,—очень и очень можетъ быть,—кто жъ можетъ поручиться за то, что дикость фантазій такого господина не могла дѣйствительно перейти всякую границу правдоподобія.

Для меня было несомнѣнно, что отъ такого человѣка надобно ежеминутно ждать новой дикой исторіи, и не всегда же счастье будетъ такъ милостиво, чтобы его фантазіи лопались безъ бѣды для него и для той женщины, которой онъ благоволитъ давать роль въ нихъ.—Я выразилъ это соображеніе Ильѣ Никитичу, когда мы ѣхали съ нимъ къ Желтухинымъ. Илья Никитичъ выразилъ надлежащее удивленіе къ моей сообразительности, пожалѣлъ, что во время ѣзды по скверной мостовой неудобно встать и поцѣловать меня въ маковку, и сдѣлалъ съ своей стороны три-четыре замѣчанія, которыя тогда показались мнѣ не основательны,—одно кажется обидно и теперь,—и едва ли справедливо, а съ другими я скоро долженъ былъ согласиться; ихъ я приведу къ тѣмъ фактамъ, которыми они подтверждались; а то замѣчаніе, ко-

торое, по моему мнѣнію, до сихъ поръ не подтверждается фактами, состояло въ томъ, что Илья Никитичъ выразился обо мнѣ такъ: „Эхъ вы, переметная сума“!—во всякомъ случаѣ неделикатно такъ обижать человѣка; это нехорошо. Что человѣкъ смиренный и безотвѣтный, то ужь и обижать его?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Новая исторія, имѣющая надъ прежнею то превосходство, что прямо такъ и начинается съ катастрофы, между тѣмъ, какъ прежняя только уже закачивалась катастрофою, и что новая катастрофа совершается съ успѣхомъ и плодотворностью, между тѣмъ, какъ прежняя не удалась и не принесла плодовъ.

I.

Борисъ Константинычъ оказывается примѣнившимъ къ себѣ изреченіе мудрыхъ старцевъ и старицъ земли русской: „Чѣмъ ушибея, тѣмъ и лечись“!

На вечерѣ у Желтухиныхъ Борисъ Константинычъ былъ скучновать, унылъ, даже очень сильно. Потомъ, нѣсколько дней мы не видѣлись. Когда онъ зашелъ ко мнѣ дней черезъ пять, шесть, я ожидалъ, что замѣчу въ немъ слѣды грусти,—нисколько! Онъ былъ въ обыкновенномъ настроеніи духа, лучше обыкновеннаго. Что жь это?—Хоть и мудрецъ, но все же человѣкъ, а не камень; не слѣдовало бы такъ скоро сбѣжать съ тебя этому разстройству, какъ водѣ съ гуся. Онъ тутъ же разрѣшилъ это мое недоумѣніе. Поговоривъ о дѣлѣ, мы стали болтать. Я вклеилъ какую то шутку надъ его „серафимскимъ промахомъ“,—онъ отвѣчалъ: „Взглядъ вашъ и Ильи Никитича, вѣроятно, очень основателенъ; но не все раздѣляютъ его, и за страданіе, которому подвергла меня ошибка въ характерѣ одной женщины, я вполне вознагражденъ сочувствіемъ другой“.

(На этомъ рукопись прерывается).